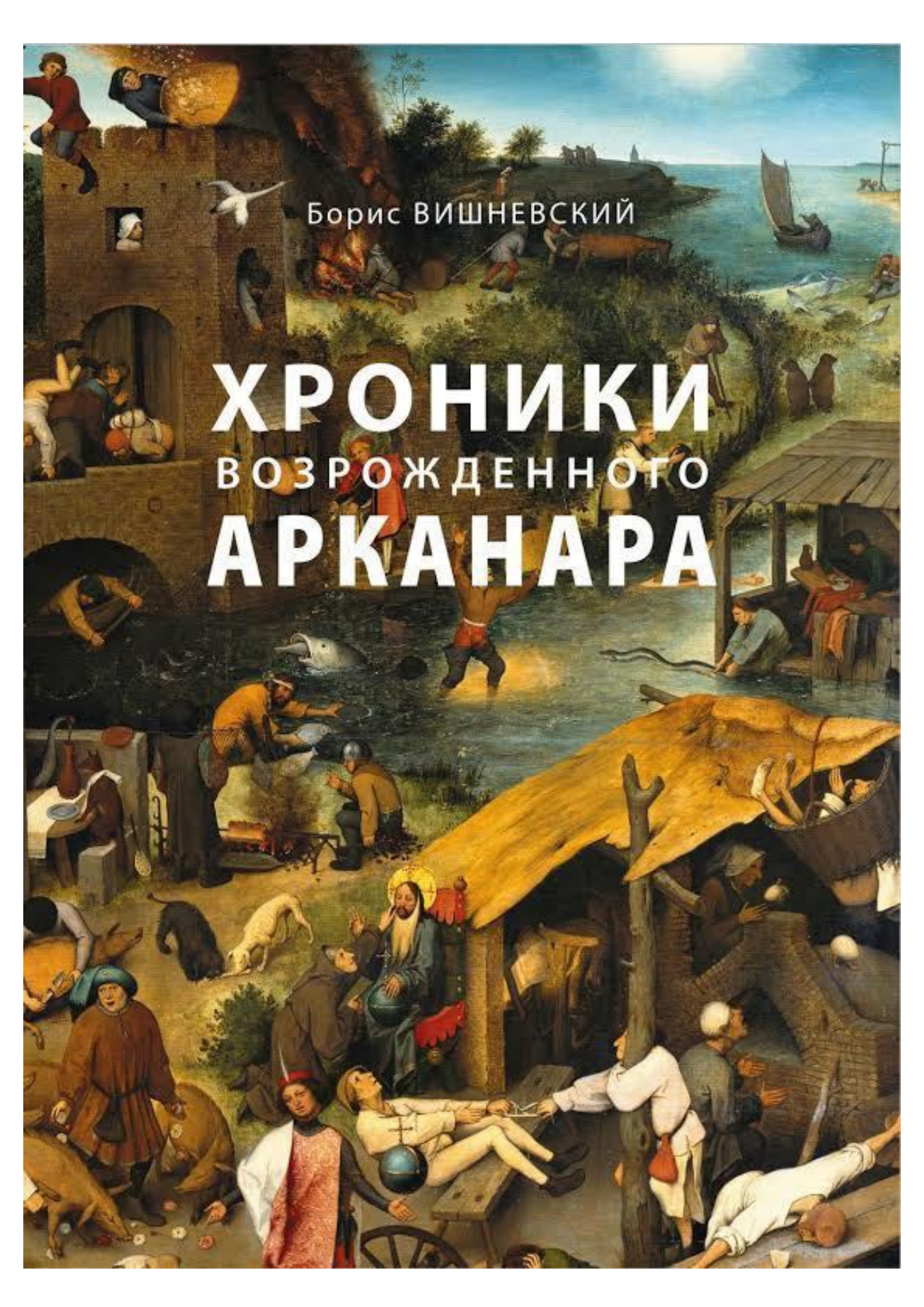




Борис ВИШНЕВСКИЙ

ХРОНИКИ ВОЗРОЖДЕННОГО АРКАНАРА

Борис Вишневский

**Хроники возрожденного
Арканара**

«Selfpub.ru»

2015

Вишневский Б. Л.

Хроники возрожденного Арканара / Б. Л. Вишневский —
«Selfpub.ru», 2015

В новую книгу известного писателя, публициста и политолога, лауреата премии «Золотое перо России», обозревателя «Новой газеты», депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, профессора кафедры политологии РГПУ им. А.И.Герцена Бориса Вишневского вошли его избранные статьи 2008–2015 годов о наиболее значимых событиях в российской и петербургской политике.

© Вишневский Б. Л., 2015

© Selfpub.ru, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жить не по лжи. Вот основной принцип, думаю, по которому должен жить каждый.

Жить не по лжи – это значит быть до конца искренним, свободным, не идти на внутренние компромиссы с тем, что большинству кажется истиной, а тебе – нет, не боясь окриков и преследований.

Борис Вишневский – один из тех, кто следует этому принципу Солженицына.

Кто-то согласится с написанным им, кто-то, возможно, нет. Одно бесспорно: книга написана подлинным патриотом, искренне желающим своей Родине процветания.

Олег Басилашвили

Борис Вишневский – человек, своей жизнью доказывающий, что политика может быть нравственной, а журналистика – честной.

Он – один из лучших депутатов петербургского Законодательного Собрания. Огромное число горожан видит в нем своего надежного защитника, видит, как много он делает для города, верит ему и поддерживает его.

Он – один из лучших журналистов России, удостоенный не только высших наград от профессионального сообщества, но искренней любви читателей. Человек, не боящийся говорить правду о том, что происходит в нашей стране и нашем городе.

Его статей ждут, его статьи читают, о его статьях спорят. Написанное им – уникальная политическая летопись нашего времени. Каждая его книга – событие.

«Хроники возрожденного Арканара» – новая замечательная работа моего давнего и верного товарища.

Григорий Явлинский

Борис Вишневский – мой старый товарищ. «Новая газета» любит публиковать его талантливые колонки. Но за последние пару лет, работая в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга, Борис, безусловно, обнаружил редкий дар исследователя. Медицина. Бюджет. Строительство стадиона. Транспорт. Он выворачивает наизнанку внешне благопристойные цифры и жестко – достоверно предъявляет реальную картину жизни. В принципе, он создал жанр: памфлет-расследование. И доказал: всего несколько человек в питерском парламенте могут влиять на политическую гигиену страны.

Дмитрий Муратов

У нас в России сейчас совсем мало людей, кто сохранился в политике, последовательно отстаивая либеральные взгляды на развитие общества на протяжении четверти века. Борис Вишневский – один из них. Это означает умение быть убедительным для самых разных аудиторий. Такому стоит поучиться. Читайте его книгу.

Михаил Ходорковский

Жанр личного политического дневника, очередной тетрадь которого делится с читателем Борис Вишневский, представляется мне инструментом анализа страшных лет

России более адекватным сегодня, чем претендующие на академичность теоретические исследования.

Монстр российской клептократии, возникший в результате эволюции советского коммунистического режима, требует для своего научного осмысления совершенно нового концептуального языка. А язык этот может выработаться только в процессе лабораторного наблюдения за поведением этого монстра.

Вот почему так важны в том числе и для будущих историков России (если сохранится объект их исследования) окажутся зафиксированные в полевых условиях «Истории болезни», начиная с «Наши десять лет» ушедшего от нас отца-основателя этого жанра Дмитрия Ефимовича Фурмана.

Борис, может быть, в силу своей сравнительной молодости, наиболее оптимистичен или скорее наименее пессимистичен среди нас, летописцев.

Беспощадно констатируя нарастающее сползание Русского пациента к катастрофе, он делает в то же самое время все возможное и как публицист и как политик, чтобы спасти нас от самих себя. Даже после Украинской трагедии.

Андрей Пионтковский

Борис Вишневский, блестящий публицист, человек несгибаемых принципов, – о российском безвременье, о деградации самодержавия и о том, как бороться за свободу и чувство собственного достоинства. Уникальное сочетание честного анализа, интеллектуального мужества, тонкой иронии и стремления найти выход из российского тупика.

Лилия Шевцова

От автора

Прошло семь лет с выхода сборника моих статей «Бывали хуже времена», где были собраны публикации 2004–2008 годов, стало ясно: действительно, бывают времена еще худшие, чем описанные в той книге. Эти семь лет – полный срок президентства Дмитрия Медведева, сберегавшего кресло для возвращения предшественника, и половина третьего срока президентства Владимира Путина.

Эти семь лет начались позорной войной с Грузией – и закончились позорной войной с Украиной, аннексией Крыма и интервенцией в Донбассе и Луганщине.

Эти семь лет начались с медведевского «свобода лучше, чем несвобода» – и закончились превращением Думы в «бешеный принтер», без усталости штампуемый все новые и новые запретительно-мракобесные законы.

Эти семь лет начались с осторожной либерализации – закончились превращением страны в «осажденную крепость», переходом властей к воинствующему антиевропейскому курсу. Годы торжества серых – и к власти, как и предсказывали мои любимые братья Стругацкие, пришли черные.

Нерушимый блок чиновников и чекистов, черносотенцев и мракобесов, реакционеров и клерикалов, империалистов и ксенофобов, неонацистов и шовинистов. Авторитарный режим на глазах трансформируется в агрессивный имперский национал-социалистический.

«Как вольно дышится в возрожденном Арканаре!», – уверяют нас государственные пропагандисты, всегда готовые восхвалять сапог, который должны лизать, и травить тех, кто смеет сохранять «невосторженный образ мыслей»... Ложь и ненависть стали главными составляющими российской государственной идеологии.

Ложь – в общении российских властей как с собственным народом, так и с окружающим миром.

Ненависть – распространяемая с телевизионных экранов в адрес всех, имеющих мужество сопротивляться властям или хотя бы не соглашаться с ними. Не устаю твердить: мы живем в мире «Обитаемого острова» братьев Стругацких.

В мире, где башни-излучатели, подавляющие у людей способность к критическому восприятию действительности, включают на полную мощность не два раза в день, как на планете Саракш, а круглосуточно. Превращая лучевыми ударами «человека мыслящего в человека верующего, причем верующего испуганно, фанатически, вопреки быющей в глаза реальности».

В сегодняшней кремлевской терминологии те, кто невосприимчив к пропагандистскому излучению, к «вечерам ненависти» в исполнении федеральных телеканалов, именуется «пятой колонной» и «национал-предателями». Но, как и в мире «Обитаемого острова», именно они – единственная надежда на будущее. Именно они, неподвластные массовому безумию «крымнашизма», охватившего страну, – единственная надежда на выздоровление.

Это выздоровление обязательно наступит, и Россия будет процветающей, безопасной, свободной и демократической европейской страной.

Я благодарю моих читателей, поддержку которых чувствую все эти годы.

Я благодарю моих друзей, с которыми многократно обсуждались темы моих статей, и чьи советы очень много мне дали – Ольгу Покровскую и Михаила Амосова, Григория Явлинского и Александра Кобринского, Льва Шлосберга и Александра Шишлова, Лилию Шевцову и Андрея Пионтковского, Екатерину Агаширинову и Евгения Миронова, Николая Копосова и Сергея Шелина, Наталию Евдокимову и Михаила Бегака, Айдера Муждабаева и Владимира Кара-Мурзу, Александра Скобова и Алексея Мельникова.

Я благодарю моих коллег из «Новой газеты» и других изданий, с которыми мне приходилось работать – Дмитрия Муратова и Сергея Соколова, Андрея Липского и Виталия Ярошевского, Диану Качалову и Александра Горшкова, Нину Петлянову и Александру Гармажапову, Виталия Рувинского и Веру Челищеву, Константина Полескова и Сергея Михельсона, Николая Донскова и Дмитрия Шериха, Людмилу Телень и Дмитрия Докучаева.

Я благодарю Наталию Введенскую и Андрея Чернова за неоценимую помощь в подготовке книги к изданию.

И, конечно, я благодарю мою жену Вику и сыновей Максима и Мишу за неизменное терпение и поддержку.

I Нанореформы Медведева

Четырехлетнее правление президента Дмитрия Медведева начиналось с ожидания хоть небольших, но реформ. Реформы оказались не просто небольшими, а микроскопическими. Об этом – в первом разделе.

Голод в Кремле

Если президенту не хватает достойных кадров на губернаторские должности, значит, идея вертикали власти потерпела фиаско.

Через четыре года после отмены выборов губернаторов, оказалось, что в стране «кадровый голод», и он касается даже руководителей регионов. Тех самых, которых, как нас тогда уверяли, никак не может избрать несознательный народ, и куда лучше, если их назначит президент.

И что теперь? А вот что.

«Нет скамейки запасных. Каждый раз ломаем головы, как найти кадры для замещения высших должностей в регионах», – признался Дмитрий Медведев в минувшую среду. Решения о замещении должностей, по его словам, «порой принимаются по знакомству, по принципу личной преданности или, что наиболее отвратительно, за деньги». Так что, уверяет президент, надо немедленно создать систему «резерва управленческих кадров в общенациональном масштабе». При этом наиболее перспективные кадры должны войти в «президентскую квоту», где он лично будет оценивать профессиональные достижения...

Решительно не вспомнить, чтобы кто-либо из президентов США сетовал на трудности подбора губернаторов или министров. Ни один из канцлеров Германии ни разу не признавался, что ломает голову над тем, как найти кадры для замещения высших должностей в федеральных землях. И не было ни одного президента Франции, который жаловался бы на короткую «скамейку запасных».

Причина не в том, что они не считают возможным публично сознаваться в «кадровом голоде», а в том, что это вообще не их проблема. И не только потому, что губернаторы американских

тов выбираются гражданами, а не президентом, а премьер-министры германских земель назначаются избранными гражданами ландтагами без какого-либо участия федерального канцлера.

В этих – и других демократических странах – есть и назначаемые чиновники. Но они попадают на свои должности не из системы «кадрового резерва» и не из «президентской квоты».

Они «выращиваются» в системе публичной политики и честной политической конкуренции, предполагающей свободные выборы, свободу СМИ, независимость суда, ответственность власти, свободу публичных акций, равноправие партий и необходимость объяснять гражданам, по каким причинам тот или иной персонаж занял ту или иную высокую должность.

В авторитарной же системе, которая ныне установлена в России, все механизмы публичной политики последовательно подавляются. И понятно, что в отсутствие механизмов влияния общества на власть единственным способом рекрутирования кадров становится бюрократический. А он не может действовать иначе как «по знакомству» или «по личной преданности». В крайнем случае – «за деньги». Иного не дано. Система так устроена.

Примеров того, как совершенно, казалось бы, профнепригодные персонажи попадали на высокие посты, – пруд пруди.

Не только в «путинскую» эпоху: вопреки мнению тех, кто считает «девяностые» годы радикально отличающимися от «нулевых», принцип «преданность важнее профессионализма» торжествовал уже тогда. Разница лишь в том, что в «девяностые» кадры набирали из тех, кто был предан Ельцину, а в «нулевые» – из тех, кто был предан Путину.

Конечно, со временем абсурдность этой политики нарастала – число однокурсников Путина и его сослуживцев по КГБ или питерской мэрии, кажется, уже превзошло число тех, кто нес вместе с Лениным известное бревно на субботнике. Теперь все повторяется с Медведевым – аналитики увлеченно изучают список его однокашников, многие из которых уже занимают немалые должности.

Не вызывает сомнений, что указанный принцип – это путь в «кадровый тупик». И признать это сегодня вынужден даже президент. Вопрос лишь в том, какой выход он из этого видит: возвращение к демократическим процедурам и публичной политике или формирование новой номенклатуры и списков «действующего резерва».

Защита от граждан

Об особенностях наших законов

О том, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, а также деятельность власти, записано в 18-й статье Конституции РФ. Вот только содержание (а особенно – применение) многих российских законов оказывается совсем другим. В чем смысл конституционной нормы? В том, что законы должны быть написаны так, чтобы обеспечить гражданам возможности реализовать закрепленные в Конституции права – на мирные собрания, на свободу передвижения, на участие в управлении страной и так далее. И деятельность власти, согласно Конституции, должна быть направлена на это же.

Это – в теории. А на практике все иначе: законы написаны так, чтобы власть могла свободно делать все, что она хочет, – а гражданин, желая реализовать свое право, должен был выполнить множество условий, сформулированных так, чтобы можно было «споткнуться» в любом месте. И знал при этом, что власть исходит из презумпции его недобросовестности: любое сомнение будет использовано против него...

Вспомним практику «согласования» публичных акций: запрет на них может быть наложен почти под любым предлогом, а отстоять свои права в суде гражданам не удастся, ибо сколь угодно абсурдное предложение властей об изменении места или времени проведения акции все равно считается «мотивированным». Казалось бы, надо поставить власть в жесткие рамки, указав в законе исчерпывающий перечень «мотивировок»? Но против этого

выступает Конституционный суд, полагая, что такие ограничения неуместны. И тем самым фактически дает зеленый свет произволу.

Случайность? Вовсе нет: российские законодатели решали именно такую задачу. Европейское законодательство (а также правоприменительная и судебная практика) исходит из того, что «уведомительные» процедуры нужны лишь для того, чтобы власть создала для участников акции все возможности беспрепятственно выразить свое, пусть даже и неприятное для нее, мнение. А российский закон исходит из прямо противоположной посылки: облегчить власти запрет нежелательных акций...

Все то же самое с законом о въезде и выезде, который дает спецслужбам возможность «в интересах безопасности государства» запретить иностранцам въезд в Россию и не объяснять при этом, каким именно образом угрожает безопасности государства «нежелательная персона» (что не дает возможность оспорить запрет – нельзя опровергать непредставленные аргументы). И тот же КС (в определении по делу Морарь) не считает нужным предписать законодателям четко установить, в каких именно случаях можно запретить въезд, – чем, по сути, также закрепляет произвол.

Конечно, в законе нельзя предусмотреть все возможные случаи. Но, во-первых, к этому надо стремиться – чтобы у чиновника, решающего вопрос, который касается прав гражданина, было как можно меньше возможностей для произвола. А во-вторых, законодательство, как говорят юристы, формируется по «назревшим потребностям»: если что-то не предусмотрели сразу – потом, исходя из практики применения закона, надо вносить изменения, снижающие возможность произвола власти облегчающие гражданину защиту своих прав. Мы же наблюдаем противоположный процесс.

Например, избирательное законодательство усложняется с каждым годом, и сегодня в нем до запятой прописано, что должно быть в подписных листах, как оформлять агитационные материалы, как собирать средства на выборы и оплачивать расходы (вплоть до обязанности кандидатов оплачивать изготовление пяти подписных листов только по безналичному расчету и только через избирательный счет). При этом любая неточность трактуется не как случайная ошибка, а как правонарушение (а то и фальсификация) и жестоко наказывается снятием с «дистанции».

Так, весной этого года на муниципальных выборах в Петербурге представители Горизбиркома объясняли, что массовые отказы в регистрации вызваны-де тем, что кандидаты поленились изучить тысячи страниц избирательных законов, инструкций, постановлений. Но почему регистрация, которая вообще должна быть простейшей процедурой, превращается в сложнейшую задачу?

Почему в Эстонии для того чтобы участвовать в выборах, достаточно послать уведомление по почте, а в России, чтобы выполнить все формальности, кандидату надо иметь отдельную бухгалтерию и юридическую службу? Чтобы выборы (как объясняют авторы законодательных новаций) были «честными» и «прозрачными»? Или для того, чтобы можно было без труда придаться к любому «нежелательному» кандидату?

Все то же самое – в других областях законодательства. Не хотят освобождать условно-досрочно – ссылаются на «каучуковую» формулировку: мол, заключенный «не встал на путь исправления» (а в отсутствие критериев «вставания на путь» доказать обратное практически

невозможно). Надо избрать меру пресечения в виде ареста – используют столь же «каучуковую» норму УПК о том, что имярек, «находясь на свободе, может воспрепятствовать следствию», и не объясняют, чем, собственно, он может «воспрепятствовать». Надо отказать в создании филиала иностранной НКО – ссылаются на норму об «угрозе национальным интересам РФ», которые нигде не сформулированы...

Принцип прост: вместо того чтобы обеспечивать права граждан, власть старается максимально воспрепятствовать их реализации. И неудивительно, что законы не защищают граждан от произвола власти – вместо этого они защищают власть от требований граждан.

Политическая нанореформа

«Политическую» часть послания Дмитрия Медведева ждали с интересом: «утечки», следовавшие из Кремля, обещали после скандальных выборов 11 октября изменения в избирательной системе. Увы: то, о чем говорил президент, оказалось еще скромнее, чем год назад.

Часть нынешних инициатив – прошлогодние, «спроецированные» на региональный уровень, часть – обещана лишь перспективе. О массовых фальсификациях на октябрьских выборах Медведев не упомянул ни слова, ограничившись обтекаемым «отмечаются проблемы в организации выборов». И о том, чтобы наказать фальсификаторов, президент даже не заикнулся.

Большая часть «политических» инициатив президента – это предложения даже не на микро-, а на «наноуровне», которые в отличие от физики, в жизни общества ничего по существу не изменяют.

Что изменится, если в регионах введут отчеты губернаторов перед ими же сформированными (в условиях избирательной системы, позволяющей не допустить к выборам оппозицию) законодательными собраниями? А если региональные парламенты раз в году заставят послушать представителей непарламентских партий? Практика показывает, что «медведи» и парламентскую-то оппозицию игнорируют, а уж непарламентскую...

Правда, непарламентским партиям обещано представительство в ЦИК и региональных избиркомах – это лучше, чем ничего (сегодня они отрезаны от членства в комиссиях, и от документов и информации, то есть, от доказательств фальсификаций). А вот обещанные места в региональных парламентах для партий, набравших более 5%, наверняка сведутся к выделению им «приставных кресел» – одного-двух мандатов (как сейчас предусмотрено для Госдумы), и чисто декоративной роли.

Что касается досрочного голосования на муниципальных выборах (для федеральных и региональных выборов оно давно аннулировано) – примечательно, что президент не предложил его отменить, а лишь призвал «навести порядок». К тому же, идея запоздала: зачем привозить автобусами на «досрочку» подкупленных избирателей или курсантов, когда можно безнаказанно переписать протоколы голосования?

Наконец, два предложения, которые привлекли внимание: «выравнивание» числа депутатов региональных парламентов и отмена сбора подписей при регистрации на выборах для

всех политических партий. Казалось бы, очевидные вещи – но преподнесенные как небывалое новшество.

Разве президент-юрист только сейчас узнал, что в 10-миллионной Москве лишь 35 депутатов Мосгордумы (в 5-миллионной Финляндии – 200 депутатов парламента), и что этого решительно недостаточно для народного представительства? Напомним, что резкое сокращение числа депутатов всех уровней – наследие даже не путинской, а ельцинской эпохи: оно закладывалось в 1993 году, когда победившая во время «великой октябрьской контрреволюции» исполнительная власть расправлялась с представительной, ведь чем больше депутатов – тем сложнее на них влиять.

же касается отмены сбора подписей – разве президент только сейчас узнал, что процедура «проверки» подписей стала не «тестом на массовую поддержку» партий, а инструментом отсечения оппозиции от участия в выборах (особенно – после реализации его прошлогоднего предложения об отмене избирательного залога)? При этом он не предлагает немедленной отмены этой процедуры – речь лишь о неопределенной «перспективе».

Резюмируем: система меняться не будет – будут только «нанореформы». Начинать реальные демократические перемены, которые многократно предлагались и оппозицией, и независимыми экспертами, президент или не хочет, или не может. Более того, сурово предупреждает, что попытки «под демократическими лозунгами раскатать ситуацию и дестабилизировать государство» будут «пресекаться».

Осталась лишь маленькая загадка: как попали в президентское послание слова о том, что «реализация наших стратегических планов невозможна без полноценных перемен в обществе». Ведь вместо полноценных перемен или хотя бы декларации их необходимости нам предложена очередная имитация. Это насмешка или просто ошибка спичрайтеров?

Эффект отторжения

Недавно «Единая Россия» устами своих высокопоставленных функционеров заявила о том, что выстраивает «новую модель руководства и ответственности партии в регионах, поднимая статус лидеров своих отделений». А именно – «секретарь регионального отделения партии должен быть председателем законодательного собрания, и партия, победившая на выборах, должна делегировать его на этот пост». Ибо «секретарь партии ведет ее на выборы, дает обещания, и поэтому неправильно, когда воплощать эти обещания в жизнь посредством принятия законов будет другой человек». И не исключено, что в будущем подобная практика будет спущена также на уровень муниципалитетов, чтобы руководитель местного отделения «Единой России» возглавлял муниципальный совет.

Для начала стоит заметить, что законы, принимаемые «партией власти», большей частью никак не связаны с обещаниями, которые она дает перед выборами. Ведь, будучи неотъемлемой частью бюрократической машины, депутаты от «ЕР» лишь «штампуют» то, что написано в соответствующей администрации. Но куда интереснее то, что нынешнее предложение удивительным образом перекликается с тем, что когда-то стало «началом конца» прежней системы власти. Хотя его авторы, безусловно, на такой эффект вовсе не рассчитывали...

В июне 1988 года в нашей стране проходила XIX конференция КПСС, на которой генеральный секретарь ЦК Михаил Горбачев объявил о проведении политической реформы. Генсек заявил, что «существующая политическая система оказалась неспособной предохранить нас от нарастания застойных явлений в хозяйственной и социальной жизни», что эта система «десятилетиями приспосабливалась не к организации общественной жизни в рамках законов, а главным образом, к выполнению волевых распоряжений и указаний», и что для нее характерны «провозглашение демократических принципов на словах и авторитарность на деле, трибунные заклинания о народовластии, но волюнтаризм и субъективизм на практике, говорильня о демократических институтах и реальное попрание норм социалистического образа жизни, дефицит критики и гласности» (за редкими исключениями – как сегодня сказано – Б. В.). Горбачев заявил, что надо проводить конкурентные выборы с альтернативными кандидатами, и что надо «рекомендовать на посты председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов», чтобы «мандат партийного руководителя проверялся и подтверждался представителями народа».

Понятно, что Генеральный секретарь задумывал своего рода «легитимацию» партийной власти: несмотря на 6-ю статью КПСС о «руководящей и направляющей роли партии», формальной (хотя и декоративной) властью в стране были именно Советы, а не обкомы и горкомы. И так же понятно, что предполагалось, что именно первые секретари повсеместно и выиграют выборы, возглавив Советы. Весной 1989 года на выборах народных депутатов СССР этот план начал воплощаться в жизнь – и немедленно начал рушиться.

Тогда, как, наверное, помнят читатели, перед кандидатами, желающими участвовать в выборах по одномандатным округам, был поставлен «фильтр» в виде так называемых «окружных собраний» (именно они, а не избиркомы, брали на себя отбор кандидатов, включаемых в бюллетень). Во многих случаях этот «фильтр» сработал: в 26% округов было зарегистрировано только по одному кандидату, в 70% – по два. При этом подавляющее большинство первых секретарей обкомов, горкомов и райкомов были заботливо избавлены от конкуренции, будучи единственными кандидатами в своих округах. Но избиратели решили иначе: в половине округов, где были оставлены единственные кандидаты, они уверенно «провалили» их. А там, где партийным лидерам не удалось избежать конкуренции, их ждало еще унижительное поражение: граждане были готовы голосовать за любую альтернативу набившей оскомину «руководящей и направляющей».

В итоге проиграли выборы 35 первых секретарей обкомов, и практически все «первые лица» республиканских столиц и крупных городов. Так, в Москве проиграли выборы председатель Моссовета Валерий Сайкин и второй секретарь горкома Юрий Прокофьев (первый секретарь горкома КПСС и член Политбюро ЦК Лев Зайков был избран по списку «красной сотни» от КПСС). В Ленинграде проиграли выборы первый секретарь обкома КПСС Юрий Соловьев, второй секретарь обкома Анатолий Фатеев, первый секретарь горкома партии Александр Герасимов, председатель Ленгорисполкома Владимир Ходырев, его первый заместитель Алексей Большаков и другие высокопоставленные аппаратчики. В целом по РСФСР тогда проиграли выборы 24 из 76 первых секретарей (а среди выигравших почти все были единственными кандидатами в своих округах). В Киеве проиграли выборы первый секретарь горкома партии Масик и председатель горисполкома Згурский, во Львове – первый секретарь обкома Погребняк. Потерпели поражение первый секретарь Минского горкома, и его «коллеги» из Алма-Аты, Фрунзе, Душанбе и Кишинева...

Стало ясно, что общество «проснулось» и стремительно начало политизироваться. И точно так же стало ясно, что граждане выступают категорически против монополии на власть – а потому бессменно правящая компартия и ее кандидаты вызывали растущее раздражение. Через год, когда весной 1990-го прошли выборы в республиканские, городские и районные советы (перед этими выборами была отменена 6-я статья Конституции «руководящей и направляющей силе нашего общества»), эффект «негативного голосования» оказался еще более сильным: избиратели первым делом искали в бюллетенях беспартийных кандидатов, а уж номенклатурщики почти не имели шансов на избрание. Чем это все закончилось – хорошо известно.

Насколько можно сравнивать эти события с нынешними? Как представляется, общего достаточно много.

Выборы, прошедшие в стране 14 марта, отчетливо показали, что избиратели начинают понимать, что политическая конкуренция столь же необходима, как экономическая, а политическая монополия – столь же пагубна. А «Единая Россия» к тому же (точно так же, как в свое время КПСС) всячески показывает: мол, мы пришли навсегда, мы никому власть уступать не намерены, мы самые сильные, а все остальные – это «лузеры» и «маргиналы». Реакция избирателей оказалась очень похожей: во многих российских городах на этих выборах голосовали не столько за коммунистов, «эсеров», жириновцев или «яблочников», сколько против «Единой России». В Иркутске выбрали мэра, выдвинутого КПрФ, не потому, что большинство избирателей там придерживаются коммунистических взглядов – а потому, что они хотели не допустить к власти его соперника, выдвинутого «ЕР» (ситуацию усугубило и правительственное постановление, разрешающее печально известному БЦБК вновь начать отравлять Байкал).

В Петербурге проявился точно такой же эффект – на выборах в «Автово» и на Малой Охте, несмотря на массированное применение «административного ресурса», и, несмотря на абсолютный контроль «партии власти» за избирательными комиссиями, «медведи» потерпели ощутимое поражение. И не столько потому, что их конкуренты были так уж известны и любимы народом, сколько потому, что, как и двадцать лет назад, избиратели хотели голосовать за любую альтернативу. Правда, – и в этом радикальное отличие нынешних событий от «дел давно минувших дней» – итоги выборов, которые не устроили власть, были отменены под надуманными предлогами. В 1989–1990 годах такая «избирательная технология» не применялась: тогда никому в голову не приходило признать итоги выборов недействительными, если первый секретарь их не выигрывал. А уж о подделке протоколов голосования, – что сейчас стало массовым явлением, –

и речи не было, несмотря на то, что избирательные комиссии контролировались партийными органами...

Конечно, это не единственное отличие – тогда, двадцать лет назад, власть была на очевидном «спаде», и уже почти не пользовалась доверием граждан, чего нельзя сказать о власти нынешней. Но «маятник» общественных настроений, как представляется, начал свое движение, во многом похожее на то, что мы наблюдали тогда. Недаром все больше и больше протестных акций проводится, – как это было в марте в Петербурге, – под простым лозунгом: «Долой монополию на власть!». И, как показывает, в том числе и наша история, от появления таких общественных настроений до кардинального изменения Системы проходит куда меньше времени, чем кажется ее основателям.

Они даже не представляют!

Лучшее, что можно сделать для усовершенствования института полпредов, – ликвидировать его

Исполнилось 10 лет первому политическому нововведению Владимира Путина – созданию института полпредов. 13 мая 2000 года, всего через неделю после инаугурации, президент подписал указ № 849, поделив Россию на семь федеральных округов.

Тогда полпреды считались людьми могущественными, а их имена были на слуху. Сегодня они почти утратили свое влияние,

не каждый аналитик сразу вспомнит, кто занимает должности, которых уже стало восемь (Северный Кавказ выделен в отдельный округ). Тем не менее Дмитрий Медведев, встретившийся с полпредами по поводу юбилея, подчеркнул важность этого института. Президент заявил, что полпреды должны «стимулировать процессы модернизации» и что он «не исключает» возможности принятия «новых решений», направленных на совершенствование деятельности полпредств. После этого Александр Хлопонин, «наместник» на Кавказе, попросил президента передать полпредам новые полномочия.

тем институт полпредов в «телеге власти» изначально был «пятым колесом» – все формально возложенные на него задачи должны были выполняться уже существовавшими структурами. Так, в субботу президент с гордостью заявил, что уже в первый год существования полпредств «были приведены в соответствие с Конституцией и федеральным законодательством три тысячи региональных законов», и полпреды «не должны ослаблять контроля над этой сферой». Отметим, однако, что объявленное 10 лет назад главной задачей полпредов «приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным» – это обычная функция прокуратуры. Именно прокуратура, а не отсутствующие в Конституции и в российском законодательстве (и по сей день статус «наместников» не определен ни одним законом) полпреды, должна следить за «несоответствиями», исправление которых является не героизмом надзирающих чиновников, а рутинной процедурой, поскольку и сами федеральные законы постоянно меняются.

Так же обстоит дело с другими объявленными 10 лет назад задачами полпредов. Бороться с коррупцией может и должно МВД. Докладывать президенту, как идут дела в федеральном округе, могут референты, изучив сообщения местных СМИ. А «координировать работу федеральных структур» на территории регионов, входящих в федеральный округ, и вовсе нет необходимости. В самом деле, в какой «координации» нуждается работа налоговых органов Петербурга и Архангельска? Или антимонопольных ведомств на Алтае и в Бурятии?

На самом деле полпредства создавались совсем для другого (формально, само собой, это не указывалось): для превращения федеративного государства (где никаких «полпредов» быть не может) в унитарное и для неконституционного вмешательства Москвы в политическую жизнь регионов.

Опираясь на федеральные силовые структуры, полпреды должны были «держат в узде» избранных губернаторов, которые тогда считали себя независимыми от Кремля, и оказывать влияние на исход региональных выборов. Собственно, вме-

шательство в эти выборы де-факто и было до 2004 года главной, хотя и неформальной, функцией полпредов. В любом регионе, где проходили выборы губернатора или Законодательного собрания, полпредство было активнейшим игроком, поддерживая одних кандидатов и «топя» остальных, решая, кого снять с выборов,

кого оставить, в чью пользу применить «административный ресурс».

В конце 2004 года ситуация кардинально изменилась: губернаторские выборы отменили (впрочем, к тому времени уже ни один избранный губернатор не осмеливался перечить «центру»). Казалось бы, отпала и необходимость в полпредах – зачем президенту контролировать собственных назначенцев? Однако институт полпредов не отменили: именно они должны были «рекомендовать» президенту будущих губернаторов. Впрочем, в подавляющем большинстве случаев им позволялось «рекомендовать» тех, кого Кремль и так решил назначить. Ну а нынешняя система «наделения полномочиями» и вовсе исключает участие полпредов: будущего губернатора предлагает президенту партия, победившая на региональных выборах. Да и губернаторы давно встроены не только в административную, но и в партийную «вертикаль», будучи, как правило, членами «Единой России».

В общем, лучшее, что можно было бы сделать для «усовершенствования» полпредств, – ликвидировать их. Но либо Дмитрий Медведев не хочет лишаться структуры, хоть как-то позволяющей ему действовать независимо от Владимира Путина, либо решение по этому вопросу принимает не он.

Демократия вместо бюрократии

*Политическая реформа – дело всего общества,
а не только власти*

Словосочетание «политическая реформа» в последнее время стало достаточно распространенным – о ней говорят и представители власти, и представители оппозиции, и независимые эксперты. Вот только каждый понимает это по-разному.

Власть понимает реформу, как «консервативную модернизацию», при которой изменения направлены на сохранение за ней доминирующего положения и усиление политической монополии. В свою очередь, многие представители оппозиции мечтают о

вращении в «счастливые 90-е», и требуют восстановления политических механизмов тех лет – в том числе, выборов депутатов по одномандатным округам, и прямых выборов губернаторов, делающих их независимыми от представительной власти.

Представляется, что и тот и другой подход не обеспечивают решение задачи модернизации. Если в стране не будет проведена настоящая (а не имитационная, ничего не меняющая по сути) политическая реформа, позволяющая гражданам оказывать решающее влияние на власть, и делающая власть реально зависимой от граждан, – государственные институты останутся столь же слабыми и неэффективными, как сейчас, и можно будет только мечтать о победе над коррупцией и преодолении отставания России от развитых стран в экономике и социальной сфере.

Недавно в Европейском университете в Санкт-Петербурге группа исследователей (Михаил Амосов, Ольга Покровская, Наталия Евдокимова, Тимур Надточей, а также автор статьи) представляли доклад «Многопартийная демократия и задачи политической модернизации России».

Опыт процветающих демократических государств Европы и Америки показывает: ключевую роль играют не бюрократические, а публичные структуры, не исполнительная власть, а зависящий от граждан парламент. При этом политические партии конкурируют между собой за право формировать правительство по итогам выборов – как в регионах, так и в стране в целом. Подчеркнем: именно партии, имеющие политическую историю и политическую репутацию, заботящиеся о ее улучшении, и несущие ответственность на свою деятельность перед гражданами. А не «движения» и «фронты», участников которых объединяет порой лишь неприятие существующего режима. И нередко составленные из политиков, успевших побывать как в правительстве, так и во множестве партий, но при этом не желающих нести политическую ответственность за свою прошлую деятельность и ее результаты...

Конечно, демократия существует и при прямом избрании населением главы исполнительной власти. Но эффективная политическая состязательность и ротация правящих партий гораздо легче достигается в тех странах, где правительство ответственно перед парламентом. В России, как известно, начиная в 1993 года эта ответственность практически уничтожена (не считать же таковой ежегодные отчеты правительства перед Госдумой – при

что российский парламент не наделен правом ни назначать, ни смещать министров). Между тем, формирование парламентом ответственного перед ним правительства на основе высказанных на парламентских выборах предпочтений избирателей – ключевой механизм, который позволяет гражданскому обществу контролировать правительство. Однако, нынешний парламент не может быть таким «связующим звеном» между обществом и властью, так как лишен почти всех каналов влияния на исполнительную власть.

Как их обеспечить? Авторы доклада предлагают закрепить за сформированным после выборов парламентским большинством (возможно, коалиционным) исключительное право предлагать президенту кандидатуру премьер-министра, а также осуществлять выдвижение кандидатур на другие важные государственные посты (министры, председатель Центробанка, послы и т. д.). Парламентское большинство получает в свои руки важнейшие рычаги государственного управления, но одновременно на него возлагается и вся политическая ответственность за результаты деятельности правительства.

В свою очередь, за парламентской оппозицией должны быть закреплены важнейшие контрольные функции. Именно она получает право назначать председателя Центризбиркома и половину состава ЦИК (то же касается и избирательных комиссий всех уровней) – потому, что именно оппозиция больше всего заинтересована в том, чтобы выборы были честными, и чтобы не применялся «административный ресурс». При этом исполнительная власть должна быть полностью отстранена от формирования избиркомов – эту роль на себя должны брать только партии, участники политического процесса, каковыми чиновники являться не должны. То, что сегодня исполнительная власть является ключевым «игроком» на выборах – недопустимая вещь в демократическом государстве. Далее, именно оппозиция должна получить исключительное право предлагать главу Счетной Палаты и половину ауди-

торов СП, Уполномоченного по правам человека, и, конечно, – главу комиссии парламентского контроля и половину состава соответствующей комиссии.

Что еще представляется важным? То, что региональные власти должны формироваться независимо от центральной власти – только тогда в обществе появляются новые политики и новые идеи. И президент должен не «выбирать» будущего губернатора из трех кандидатур, представленных ему победившей на выборах партией, а чисто формально вносить для назначения главой исполнительной власти в регионе того, кого определило парламентское большинство. Более того, партии, участвующие в региональных выборах, должны заранее сообщать избирателям, кто возглавит правительство, если граждане отдадут им предпочтение – таким образом, граждане де-факто будут выбирать не только депутатов, но и губернатора. Простой пример: голосуя за консерваторов или либералов в Великобритании, за христианских демократов или социал-демократов в Германии, избиратель знает, кто возглавит правительство в случае победы «его» партии. А у нас это знает только президент – который не обязан считаться ни с кем в этом вопросе...

Что касается самих выборов, то для обеспечения политической конкуренции представляются необходимыми следующие изменения. Снижение «проходного барьера» на выборах по партийным спискам, обеспечивающее подлинное представительство интересов граждан с разными взглядами (до 2–3%). Автоматическая (без всякого сбора подписей, превратившегося исключительно в механизм снятия оппозиции с выборов) регистрация кандидатов от политических партий, которые заявили об участии в выборах. Одновременное резкое упрощение создания новых партий и снижение не менее, чем до 10 тысяч человек, необходимого числа их членов. Возврат права на создание межпартийных избирательных блоков и графы «против всех».

Что касается возврата к одномандатным округам (что часть оппозиционеров считает признаком демократичности избирательной системы), то не хватит ли рассказывать сказки о якобы «независимых» кандидатах, представляющих «только избирателей округа», и предоставления «ярким одиночкам» возможности «прорваться парламент»? Практика показывает, что все эти «одиночки», как правило, тут же примыкают к партии власти – достаточно вспомнить выборы в Госдуму в 2003 году, когда блок «Единство» (будущая «Единая Россия») получил четверть голосов по партийным спискам, а затем в соответствующей фракции почему-то оказалось большинство депутатов. Нужно другое – по примеру скандинавских стран, так проводить «пропорциональные» выборы, что у избирателей появляется возможность влиять на распределение мест внутри партийных списков, и отдавать предпочтение тем или иным кандидатам от «своей» партии...

Среди других предложений – прямые выборы Совета Федерации, превращение президента в гаранта Конституции и координатора работы всей системы органов государственной власти (а не «самого большого начальника»), выведение судебной системы из-под контроля органов исполнительной власти, восстановление федерализма (сведенного почти на нет «вертикалью»), усиление региональных парламентов и увеличение их численности, создание гарантий политического плюрализма на телевидении.

Возможно, все они покажутся спорными. Но, как представляется, их (как и другие предложения, касающиеся политической реформы), общество должно обсуждать, не оставляя это на долю политиков. Потому что именно от этого зависит, будут ли решаться про-

блемы граждан, и будет ли власть зависеть от них – или, как сейчас, будет зависеть только от себя самой.

Шило вместо мыла

Большинство из моих московских друзей и знакомых давно страстно желало избавиться от мэра Юрия Лужкова, правду о котором нам мужественно рассказали те самые федеральные телеканалы, которые до этого столь же мужественно долгие годы ее скрывали.

Но вот, наконец, справедливость восторжествовала – друг пчел, строителей, Церетели и Кобзона, просидевший на своем месте даже дольше, чем Леонид Брежнев, с позором отставлен. И что же – на его место придет поборник свободы, демократии и прав человека? Человек, любящий и знающий Москву и ее проблемы, и равнодушный к нуждам москвичей? Тот, наконец, кого они сами хотели бы видеть на этом месте?

Ответ уже известен: 21 октября мэром Москвы станет вице-премьер Сергей Собянин, главное достоинство которого заключается в том, что он – «человек Путина», в своей федеральной карьере обязанный ему решительно всем, и первым бросавшийся поддерживать все путинские инициативы.

Человек, о деятельности которого в Совете Федерации (где он в 1998–2000 годах возглавлял комитет по конституционному законодательству), не осталось почти никаких следов, и которого те, кто работал с ним в комитете, усмехаясь, называют «никаким».

Человек, который после отставки Бориса Ельцина первым от имени движения ОВР заявил, что его лидер Евгений Примаков не будет претендовать на президентский пост, а в мае 2000 года одним из первых поддержал предложенную Владимиром Путиным реформу Совета Федерации (губернаторов и спикеров сменили назначенные ими «представители»).

Человек, который в сентябре 2004 года первым (в тот же день!) поддержал предложение Путина об отмене выборов губернаторов, первым из губернаторов сложил свои полномочия до выражения президентом доверия к нему, первым высказался за продление президентского правления до семи лет, а ранее первым из губернаторов вступил в «Единую Россию».

Человек, который, будучи губернатором Тюменской области, провел «монетизацию льгот» еще до того, как она была объявлена федеральным законом, и установил такой контроль над СМИ, что когда в Тюмени пенсионеры, недовольные «монетизацией», перекрыли движение, об этом в прессу не просочилось ни слова.

Человек, который живет в Москве всего пять лет, причем – занимая должности главы президентской администрации, а потом вице-премьера. То есть, живущий в мире, параллельном тому, в котором существует подавляющее большинство москвичей. В надежно охраняемом ФСО и предельно уютном мире, где нет ни пробок на дорогах, ни очередей в поликлинику, ни текущих крыш и дырявых труб, ни поборов в школах и детских садах, ни вымогательства чиновников, ни произвола милиции...

Наконец, человек, которого по опросу «Эха Москвы», хочет видеть мэром 8% москвичей, а по опросу «Коммерсанта» – и вовсе 3%.

«Он возглавлял избирательный штаб Медведева!», – сообщают нам в качестве одного из аргументов в пользу усаживания Собянина на столичное правление. Если кто помнит то, что у Медведева называлось «избирательной кампанией» – страшно подумать, какая «тяжелая» работа досталась Собянину.

«По образованию Сергей Семенович юрист, и это позволит ему более эффективно решать проблемы борьбы с коррупцией и защиты прав граждан», – радуется вице-спикер Госдумы от «Единой России» Вячеслав Володин. В милиции у нас очень многие имеют юридическое образование – как там насчет «защиты прав граждан» и «борьбы с коррупцией»?

Хочется спросить у тех, кто особенно громко требовал от президента отставки Лужкова, громко заявляя, что ежели он этого не сделает – значит, он тряпка, и об него можно вытирать ноги: вы этого хотели?

Вам не нравилось шило? Получите вместо него мыло. Вам не нравилась «Интеко»? Получите вместо нее родные и близкие для нового мэра по его ханты-мансийскому прошлому «ЛУКОЙЛ» и «Сургутнефтегаз». Вам не нравился старый барин? Извольте получить нового, которому, в отличие от старого, доверяет президент...

Мало кто, заметим, задает простой вопрос: а с какой стати доверие или недоверие президента вообще должно что-то значить? Никого в Калифорнии не волнует, доверяет или не доверяет Барак Обама Арнольду Шварценеггеру (с которым они к тому же состоят в разных партиях): важно лишь то, доверяют ли ему жители Калифорнии. Или губернатору Техаса Рикку Пери. Или еще двум десяткам губернаторов-республиканцев: предложение смещать их по такому основанию, как «утрата доверия президента», вызвало бы в Штатах гомерический хохот.

Между тем, пока такое основание, – как для назначения, так и для отставки губернатора, – будет присутствовать в российском законодательстве, любой губернатор, само собой, и будет заботиться не о доверии граждан, а только о доверии президента. А на интересы граждан ему будет равным счетом наплевать. Что мы наблюдаем на протяжении последних шести лет – с тех пор, как отменили губернаторские выборы. И менять губернаторов будут не тогда, когда они осточертеют гражданам, а только тогда, когда они чем-то не устроят президента. И каждый следующий, – по старой традиции, – будет оказываться хуже предшественного.

Так будет повторяться, пока не изменится система – и надо понимать, что если следующий питерский губернатор будет определяться исключительно в Кремле, – может настать время, когда о правлении нынешнего губернатора придется вспоминать, как о временах свободы и демократии...

Впрочем, то, что сейчас очень многими представляется «волшебной палочкой» – возвращение прямых выборов губернаторов, – тоже не следует переоценивать. Это мы тоже уже «проходили» – и именно выборы глав регионов, которые считали себя, получивших мандат прямо от населения, всевластными «первыми лицами», никому не подконтрольными и не

подотчетными, привели к установлению десятков авторитарных режимов «местного значения», где подавлялась оппозиция, фальсифицировались выборы, и процветал только бизнес, связанный с властью. Что, по сути, и стало началом уничтожения демократии в стране – впоследствии накопленный опыт был просто расширен до национальных масштабов.

Поэтому выход видится не столько в возврате прямых выборов (которые, впрочем, конечно же, лучше, чем нынешняя система фактического назначения, то есть утверждения единственной кандидатуры, предложенной президентом, под угрозой роспуска регионального парламента), сколько в «отключении» президента и правительства от формирования региональной исполнительной власти. А это достигается отнюдь не только прямыми выборами губернаторов – но и переходом к «парламентским республикам» в регионах, когда правительство (во главе с губернатором) назначается парламентом без всякого участия федеральной власти. И потом именно парламентом и контролируется (и им же, при необходимости, снимается) – что, как показывает мировой опыт, надежно заставляет исполнительную власть следовать интересам избирателей.

Собственно, это – отказ от «вертикали», когда губернаторы и де-факто и де-юре подчинены президенту, – и называется федерализмом. А если сохранять нынешнюю систему – честнее будет поменять Конституцию, вычеркнув из нее это слово. Впрочем, как и другие слова – например, «социальное государство»...

Хорошо забытое старое

Многостраничный «манифест просвещенного консерватизма», вышедший из-под пера Никиты Михалкова, – смесь предвыборной речи и религиозной проповеди. Причем, еще и плохо исполненная.

Грубые исторические ошибки, путаница в понятиях (а порой и их подмена), верноподданно-льстивый в отношении к начальству и напыщенно-менторский в отношении к гражданам тон, призывы к следованию христианским добродетелям, выглядящие явным фарисейством на фоне роскошного образа жизни автора, обласканного властью и извлекающего из близости к ней баснословные прибыли... Исходя из всего этого, опус Михалкова не стоило бы даже обсуждать, если бы он был исключительно частным мнением Никиты Сергеевича. Но удивительное совпадение ключевых тезисов «манифеста» с потребностями правящей элиты почти не оставляет сомнений в том, что перед нами – апробация государственного идеологического проекта. Правда, новым назвать этот проект никак невозможно: все это уже было. И очень хорошо известно, чем это закончилось для нашей страны.

На то, что михалковский «манифест» практически дословно воспроизводит известную «триаду» николаевского министра просвещения Сергея Уварова про «три начала, без которых Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить – православная вера, самодержавие и народность», – сразу же обратили внимание многие комментаторы.

Действительно, «просвещенный консерватизм» по Михалкову – это Россия, которая держится на православной вере и абсолютной лояльности населения, «преданного на совесть» самодержавной власти. И никакого «либерализма», который для Михалкова явля-

ется символом зла (в чем он, заметим, не одинок). Мол, реформы в России успешно осуществлялись только «деятелями просвещенно-консервативной ориентации» (к которым он причисляет в том числе, Александра II и Петра Столыпина), а разруху приносили исключительно «проповедники радикального прогресса и неистовые вожди либеральных буржуазно-демократических и пролетарских революций».

«Эйфория либеральной демократии закончилась!», – с пафосом восклицает Никита Сергеевич, требуя «перестать выслушивать декларации о политической независимости, внимать призывам к индивидуальной свободе и верить сказкам о чудесах рыночной экономики».

На кого все это рассчитано – на людей, не знающих историю собственной страны? Успешные российские реформы были как раз либеральными по содержанию. Это, в первую очередь, реформы Александра II: освобождение крестьян, сокращение срока службы в армии, создание земств, выборность ректоров и деканов университетов. И, конечно, судебная реформа, основанная на либеральных принципах: независимость суда, отделение судебной власти от власти «обвинительной», гласность и состязательность судопроизводства.

Что касается Столыпина, то проведенные им реформы были тоже либеральными, а не «охранительными». Желая для страны отсутствия «великих потрясений», Столыпин мечтал о свободной России, управляемой ответственными гражданами, стремился создать массовый слой независимо мыслящих собственников, заложить основы рыночной экономики в аграрном секторе, и выйти на качественно новый уровень светского образования.

Ну, а почитаемыми Михалковым «консерваторами» были, в первую очередь, Николай I, чей курс (основанный на уваровской «триаде») привел Россию к поражению в Крымской войне, и Николай II, политика которого привела страну к катастрофе 1917 года. Да и лидеры КПСС брежневской поры, которые привели страну к самой настоящей разрухе и пустым полкам, были отнюдь не либералами...

Ну, а когда Никита Сергеевич призывает «не верить сказкам о чудесах рыночной экономики», становится просто смешно.

Ему-то, объездившему весь мир, прекрасно известно, где живут лучше – при рыночной или при нерыночной экономике. Или не помнит Михалков, какое впечатление на советских граждан производили европейские или американские магазины? Ему не известны данные о сравнительном уровне жизни в России и странах Западной Европы или США (а также – об уровне зарплаты), где нет ни самодержавия, ни преданности населения властям? Зато там есть характерное для либерального и демократического государства отношение к власти, как к нанятой гражданами на работу структуре, которая должна перед ними отвечать, и работать в их интересах. Если власть не справляется со своими обязанностями – ее меняют. И тут-то мы и подходим к главному, как представляется, в проповедуемой Михалковым идеологии, квинтэссенция которой – независимость власти от общества.

«Власть – от Бога!», – уверяет Никита Сергеевич. Конечно, если именно таков ее источник (вообще-то, в российской Конституции он определен иначе!), то народ не смеет спрашивать с власти, а тем более – помышлять о ее смене, как это принято в ненавистном для Михалкова «либеральном мире». Какие выборы, если власть имеет божественную природу? Ей можно только подчиняться, быть ей «преданным на совесть», оказывать ей «добровольное содействие» и проявлять «сердечное законопослушание» и «свободную лояльность».

Главное достоинство гражданина, по его мнению, – это «умение достойно подчиняться авторитетной силе». При этом весьма характерно, что Никита Сергеевич прямо говорит не о «гражданах», а о «подданных».

Вообще-то, с подобными монархическими идеями знатный кинорежиссер слегка запоздал – на век, как минимум. Тем более, что он уверяет, что в России должно быть лишь три партии (консервативная, либеральная и социалистическая), и среди них нет места монархической. Впрочем, Михалков и предлагает гражданам в обмен на лояльность и «сердечное законопослушание» не монархию, а «гарантийное государство», хотя суть его практически та же: наличие «единой и единственной» верховной власти, прототип которой «нам близок и понятен», а нынче «конституционно закреплён и представлен в должности президента России».

Перечитайте еще раз Конституцию, Никита Сергеевич – это бывает полезно перед написанием «манифестов». Нет в ней «единственной верховной власти», а есть разделение властей. И когда он пишет, что «мэры городов федерального значения должны выдвигаться на должность и освобождаться от должности президентом страны» – это прямое противоречие конституционному принципу самостоятельности местного самоуправления. Когда он требует «изгнать из современной российской политики карьеристов и проходимцев, закрыть в нее доступ демагогам и аферистам, искоренить из нее преступников и коррупционеров», – кроме невыносимой банальности этого тезиса, сразу вспоминается, как лично Никита Сергеевич поддерживал Александра Руцкого и агитировал на выборах за Бориса Березовского. А когда он распаляется от ненависти к либерализму – как не вспомнить, что Никита Сергеевич хвалил идеолога «либеральной империи» Анатолия Чубайса, сидя рядом с ним в прямом эфире Первого канала, и называя его «великим менеджером».

Теперь, Впрочем, у Михалкова придумана своя империя – «континентальная». И, кстати, когда он призывает «покончить с либерализмом», то не очень понятно, куда направлен его гнев: где он нынче усмотрел тот либерализм, с которым так яростно борется? В чем – в чем, а в излишнем либерализме нынешнюю власть упрекнуть трудно...

Смысл предложений Михалкова прост: «законсервировать» существующий порядок вещей. Господа должны остаться господами, слуги – слугами, потому что так установлено «от бога». А кто хочет это положение вещей изменить – будет наказан. И здесь Никита Сергеевич предельно откровенен: «все, что подрывает свободную лояльность, должно устраняться из жизни государства и гражданского общества, а все то, что усиливает ее, должно в них утверждаться и культивироваться».

«Внутреннее свободное соединение личности с нацией, гражданина с обществом, подданного с государством в конечном счете нелогично, оно идет не от ума, а от сердца», – вынужден признать Никита Михалков.

И вправду нелогично: свободные люди не бывают «подданными». Точнее, «верноподданными», которыми очевидно хотел бы видеть российских граждан Никита Сергеевич.

И, кстати, «голосовать сердцем» нас когда-то уже призывали. Чем это закончилось – хорошо известно. Так не лучше ли опираться в таких вопросах не на сердце, а на ум, а голосовать – головой?

Попытка вернуть выборы

Ассоциация «Голос» представила проект Избирательного кодекса, который научит россиян голосовать

Группа экспертов Ассоциации по защите прав избирателей «Голос» под руководством Аркадия Любарева разработала проект Избирательного кодекса России. Кодекс призван заменить пять федеральных законов, регулирующих проведение выборов, сделав избирательное законодательство непротиворечивым, удобным в применении и понятным. А также – установить приоритет избирательных прав перед избирательными процедурами. Действующие законы, напротив, устанавливают презумпцию вины кандидатов и партий.

Первая версия базового закона об основных гарантиях избирательных прав граждан, вступившего в силу в декабре 1994 года, была по объему в десять раз меньше нынешней, а выборы за эти годы стали на порядок менее равными и честными. Чем сложнее становился закон, тем больше появлялось возможностей для произвола избирательных комиссий. Целью изменений этого закона в последние годы было не развитие политической конкуренции, а ее ограничение; не расширение контроля общества над властью (выборы – главный способ), а контроля власти над выборами; не сменяемость власти в соответствии с предпочтениями избирателей, а обеспечение ее несменяемости независимо от этих предпочтений.

Необходимость упорядочения избирательного законодательства очевидна. Оно громоздко, противоречиво и написано так, что избиркомы имеют возможность отсеивать кандидатов практически по своему усмотрению. Между тем закон должен быть понятен тем, кого он касается, а не только членам избиркомов, которые любят объяснять трудности оппозиционеров тем, что они-де «сэкономили на юристах».

Эксперты «Голоса» разработали такую структуру кодекса, чтобы каждый субъект избирательного процесса мог легко понять, какие главы и статьи ему в данной ситуации пригодятся, а какие нет. Дублирование норм устранено. Они сгруппированы в статьи, главы и разделы, к которым действительно должны относиться. Чтобы никого не запутывать, в проекте исключено разделение норм на императивные (прямого действия) и диспозитивные (отсылающие к другим законам). Наконец, кодекс разделен на две части: общую (по смыслу аналогичную нынешнему Закону «Об основных гарантиях...») и специальную (описывающую порядок выборов президента и Госдумы). Общая часть при этом содержит нормы, которые будут действовать на региональных и муниципальных выборах и которые не нужно будет дублировать в региональных законах.

Избиркомы без чиновников?

Теперь о содержательных нововведениях, которые меняют сам избирательный процесс исходя из принципа «права важнее процедур». В первую очередь эксперты «Голоса» предложили новый принцип формирования избирательных комиссий. Они

лагают исключить участие органов и должностных лиц исполнительной власти в формировании избиркомов. Эта мера должна лишить чиновников (хотя и не совершенно) возможности контролировать выборы.

Авторы проекта предполагают, что ЦИК должен формироваться Советом Федерации, региональные избиркомы – региональными парламентами, муниципальные избиркомы – муниципальными советами, а комиссии должны состоять на две трети из представителей партий, на треть – из «непартийной общественности». При этом партийная квота касается всех партий, а не только парламентских, как сейчас.

При регистрации кандидатов нынешний принцип сбора подписей остается только для небольших регионов и муниципалитетов. При этом число подписей снижается до 1% численности избирателей, а если на муниципальных выборах на один депутатский мандат приходится менее 500 избирателей, то все кандидаты регистрируются в заявительном порядке. Без подписей и залога (его эксперты «Голоса» предлагают восстановить) регистрируются списки кандидатов, выдвинутые партиями, набравшими более 2% на последних выборах. Остальные кандидаты будут собирать подписи, однако «в определенных местах под наблюдением избирательных комиссий» и в количестве до 0,1% числа избирателей.

Сейчас проверка подписей избирателей для кандидатов – момент истины, для избиркомов – наиболее удобный момент устранить неудобных. В проекте «Голоса» основания для признания подписи недостоверной или недействительной формулируются так, чтобы нельзя было «забраковать» подпись, если избиратель «может быть однозначно определен и нет оснований считать, что он не ставил свою подпись». Если избиратель письменно или устно (на заседании избиркома или рабочей группы, проверявшей подписи) заявил, что это его подпись, то почерковеды не в силах объявить ее недостоверной (сейчас даже личное свидетельство избирателя бессильно опровергнуть «заключение эксперта»). Превышение допустимой доли бракованных подписей (10%) должно подтверждаться вступившим в силу решением суда. Это также призвано уменьшить возможность произвола.

Как вам это понравится

Одна из глав кодекса посвящена применяемым на выборах избирательным системам – их эксперты «Голоса» предлагают великое множество. Так, на президентских и губернаторских выборах они намерены использовать привычную мажоритарную систему с голосованием в два тура. Выборы глав муниципалитетов могут проходить как в один, так и в два тура.

Депутаты Госдумы избираются по смешанной системе, аналогичной той, что действовала до 2007 года: избиратель голосует как за партийный список (при этом «барьер» снижается до 4%), так и за кандидата, баллотирующегося в одномандатном округе. В одномандатных округах имеют право баллотироваться партийные и независимые кандидаты.

На региональных выборах не допускается ни полностью мажоритарная, ни полностью пропорциональная система. Доля депутатов, избираемых как по спискам, так и по округам, не должна быть меньше одной трети и больше двух третей («барьер» не может быть выше 4%).

На выборах муниципальных депутатов использование пропорциональной системы допускается только в варианте открытых списков. В этом случае избиратель может проголосовать за одного кандидата из списка.

На всех выборах восстанавливается право избирателя голосовать против всех (но не возвращается порог явки). Возвращается право создавать избирательные блоки, а общественные объединения снова могут направлять наблюдателей на выборы. При этом отменяется запрет на критику соперников в телеэфире.

При голосовании вводится обязательное использование прозрачных урн и одноразовых номерных пломб. Перед подсчетом голосов члены участковых избиркомов делят обязанности по жребию: одни оглашают содержание бюллетеней, другие сортируют, третьи считают. Наконец, участковые комиссии лишаются права пересчитывать голоса и составлять повторные протоколы без позволения вышестоящей комиссии или суда.

К чему полумеры?

Проект кодекса не лишен недостатков, и главный, по моему мнению, – сохранение «подписной системы» регистрации кан-

датов. Справедливо называя «робкой полумерой» предоставление одного-двух мандатов партиям, набравшим 5—7% (следовало бы снизить барьер), авторы проекта и сами предлагают полумеру – следовало бы вообще отменить сбор подписей. Решение видится простым: все партии регистрируют кандидатов на всех выборах в заявительном порядке. А для кандидатов, не желающих представлять ни одну из существующих партий, можно ввести доступный избирательный залог.

Что касается возвращения выборов в одномандатных округах и выборов губернаторов (за что ратуют многие представители демократической оппозиции), то целесообразность этого вовсе неочевидна. Так, партия власти в мажоритарных округах (пример – выборы Мосгордумы) забирает все мандаты, а вот по спискам оппозиция имеет шанс пробиться в парламент, тем более при сниженном барьере. Ушли в прошлое времена «ярких одиночек», которые могут «прорваться» в парламент через округ и которые, за редчайшими исключениями, после этого не окажутся в рядах партии власти.

То же касается и выборов «беспартийных» губернаторов, после победы вступающих в «Единую Россию». Формирование региональными парламентами ответственных правительств может стать куда более надежным механизмом контроля общества над властью, чем выборы губернаторов, впоследствии назначающих в правительство региона людей, за которых не несет ответственность ни одна политическая сила.

Все это, впрочем, не умаляет достоинств проекта. Его авторы опровергли расхожий тезис об отсутствии у оппозиционеров конструктивных предложений.

Тюнинг

Как президент обновил политическую систему

Президент Медведев в послании к Федеральному собранию напомнил, что в предыдущих посланиях 2008–2009 годов уже сформулировал основные позиции «по совершенствованию

политической системы и демократии». Остался лишь последний штрих: ввести пропорци-

ональную или смешанную избирательную систему на муниципальных выборах. И тогда можно считать, что выборы в Госдуму в декабре 2011-го пройдут уже «в условиях политической системы, обновленной на всех уровнях», с удовлетворением констатировал президент.

Как же выглядит сегодня «обновленная» система и сильно ли она отличается от прежней? А если отличается, то в какую сторону? Проанализируем состояние ключевых политических институтов.

Президент: срок полномочий увеличен с четырех до шести лет при отсутствии каких-либо разумных обоснований.

Шаг к демократии? Вряд ли: чем чаще выборы – тем больше у граждан возможности выразить одобрение или неодобрение проводимому курсу. Отметим, что из всех демократических стран Европы более чем пятилетний президентский срок установлен

Австрии, Ирландии, Италии и Финляндии. Но все эти страны – парламентские республики, в которых президент является представительской фигурой. А во Франции, стране с сильной президентской властью, на референдуме 2000 года президентский срок был сокращен с семи до пяти лет.

Правительство: единственное изменение статуса – введение обязанности раз в год отчитываться перед Госдумой.

Само по себе – разумно. Но в ситуации, когда это не влечет правовых последствий, а парламент не может влиять на состав правительства, превращается в формальную процедуру. Что мы уже дважды и наблюдали.

Госдума: срок полномочий увеличен с четырех до пяти лет (также – при отсутствии обоснований). Парламентские партии получили равный доступ к государственным СМИ. Введена возможность для «малых партий» (получивших от 5 до 7% на выборах) получать один или два депутатских мандата, обретая все права парламентской партии, включая освобождение от сбора подписей на выборах всех уровней, равный доступ к СМИ и участие в формировании избиркомов. Что касается непарламентских партий, то они получили право раз в год выступать на думском заседании.

Максимум все это – «полушаги» к демократии. Ключевым для обеспечения представительства было бы снижение 7-процентного заградительного «барьера» (скажем, до европейских 3–4%), но президент в Послании-2008 высказался против этого. Кстати, 5–7% голосов избирателей – это от 24 до 32 мандатов

Госдуме. Таким образом, налицо нарушение принципа пропорциональности и определенная дискриминация избирателей «малых партий». Хотя для тех, кто пройдет в Думу по этому правилу, это все же лучше, чем ничего.

Совет Федерации: введена норма, по которой членом верхней палаты может стать лишь тот, кто был избран региональным или местным депутатом.

Как представляется, это мало что меняет в положении «сената», где заседают люди, нередко имеющие отдаленное отношение к «представляемым» регионам. При необходимости

сти сделать «нужного человека» сенатором его легко изберут депутатом районного или сельского уровня, где господствует «административный ресурс».

Региональные парламенты: численность будет унифицирована – в зависимости от числа избирателей в регионе. Парламентские партии получают равный доступ к государственным СМИ. Действующие губернаторы будут отчитываться перед парламентами, а кандидатуры будущих губернаторов президенту будет представлять победившая на выборах партия. По «думскому» образцу один мандат будет гарантирован «малым партиям», набравшим более 5%, со всеми правами парламентской партии в будущем. Также по «думскому» образцу непарламентские партии раз в год получают трибуну для выступления.

Как и в случае с Госдумой, все это не более чем полушаги. Вместо снижения «барьера» – один «утешительный мандат» для «человека-фракции». Вместо профессионализации региональных парламентов – крайне растяжимые критерии численности. А вместо исключения президента из процедуры формирования региональной исполнительной власти («вертикаль» в федеративном государстве – нонсенс) – политический пинг-понг: выигравшая партия посылает президенту три кандидатуры, из которых он отбирает одну, для того чтобы эта же партия и утвердила его губернатором.

Избирательная система: главное – отменен избирательный залог. Практически отменено (за редкими исключениями) досрочное голосование и усилен контроль за открепительными удостоверениями. Партии, имеющие фракции в региональных парламентах (а не только «думские»), освобождены от сбора

писей. Снижено число подписей, необходимых для регистрации на думских выборах (на ближайших выборах нужно будет не 200, а 150 тысяч, на следующих – 120).

Первое новшество можно расценить только отрицательно: возможность внесения залога для оппозиции часто оказывалась единственным способом регистрации в ситуации, когда любую «ненужную» партию можно «отсеять», объявив «бракованными» собранные подписи.

Отмена «досрочки» и ужесточения выдачи «открепилок» – вещь полезная, но запоздавшая: давно разработаны более эффективные механизмы обеспечения «нужного» процента для партии власти. Зачем привозить на досрочное голосование ветеранов или заставлять бюджетников брать открепительные удостоверения, если можно переписать протоколы голосования?

Что касается снижения числа подписей, то дело не в их числе, а в драконовском механизме «проверки».

Честные выборы, как известно, включают четыре компонента: свободное создание партий, доступный механизм регистрации на выборах, равные условия предвыборной кампании и адекватное подведение итогов. Никаких изменений в этой области не произошло – о каком усилении политической конкуренции (декларируемом президентом) можно говорить? Скажем, снижено с 50 до 40 тысяч необходимое число членов партий, но по-прежнему Минюст может «зарубить» создание любой «ненужной» организации.

И, наконец, последнее предложение президента из нынешнего послания – выборы по партийным спискам в муниципалитетах – очень сомнительная идея.

Какие «партсписки» в сельских районах, где отродясь не слыхали ни о какой партии, кроме КПСС? Список «Единой России» организует администрация, а отделений остальных партий (тем более непарламентских) там никто и в глаза не видел. Вдобавок общественные объединения, не являющиеся партиями, лишены права выдвигать избирательные списки (кстати, несмотря на то, что президент в послании 2008 года призывал сохранить за ними это право). Результатом будет автоматическое получение единороссами половины мандатов. Неужели именно этого хочет президент?

«Важнейший показатель качества жизни людей – это качество политической системы», – заявил Медведев. Исходя из

рассчитывать на улучшение жизни было бы непозволительным оптимизмом.

Обжалованию не подлежит

Решение Хамовнического суда по делу Ходорковского и Лебедева ошарашило даже тех, кто не питал иллюзий относительно исхода процесса. «Дадут лет девять – чтобы не вышли до президентских выборов, и не мешали Путину вернуться в кресло, временно занятое Медведевым», – уверяли они.

Оказалось – тринадцать с половиной лет: так, чтобы вышли (если им, чего нельзя исключать, не организуют третье дело) только в 2017-м. Практически столько же, сколько требовали прокуроры (то, что сумели услышать из уст судьи Виктора Данилкина, дословно повторяет обвинительное заключение), цинично заявлявшие во время суда «как мы решили, так и будет».

При этом руководитель пресс-службы Мосгорсуда Анна Усачева сетует на «беспрецедентное давление на суд», но не думайте, что она имеет в виду растражированное на всю страну заявление Путина о «доказанности» вины Ходорковского, сделанное за десять дней до приговора. Оказывается, на бедного судью давили... средства массовой информации (!). А министр иностранных дел Сергей Лавров храбро заявляет, что критические мнения из-за рубежа не влияют на решение независимого российского суда. Думается, в сходной стилистике это ведомство, – в ответ на заграничные нападки, – заявляло и о независимости судов, выносивших приговоры «врагам народа», а потом «антисоветчикам»...

Между тем, чтобы понять абсурдность приговора, не надо быть юристом или экономистом, и вовсе не обязательно ненавидеть путинский режим. Достаточно оценить несложные факты.

В приговоре указано, что ЮКОС за инкриминируемый обвиняемым период получил 15 миллиардов долларов прибыли, а его нефтедобывающие «дочки» – 2 миллиарда. Но затем сделан вывод о том, что вся нефть, которая была добыта и продана ЮКОСом,

похищена, и вся нефть у «дочек» тоже была похищена. Что называется, или наденьте трусы, или снимите крест.

Прокуроры так и не объяснили, куда делась якобы украденная нефть. И как можно было, если вся нефть была украдена, не заплатить налоги (за что Ходорковский и Лебедев были осуждены в 2005 году).

приговоре утверждается, что свидетельские показания, данные в суде Германом Грефом и Виктором Христенко, доказывают вину Ходорковского и Лебедева. Но свидетели показали прямо противоположное, заявив, что им ничего не известно о хищениях нефти в это время в подобных масштабах.

Во время процесса судья Данилкин отвергал почти все ходатайства защиты (в том числе, о вызове свидетелей и приобщении документов к делу) и удовлетворял все ходатайства обвинения. Такое можно допустить, если представить себе, что прокуроры – юридические гении, а адвокаты – безграмотные невежды. Вот только из наблюдения за процессом складывалось, мягко говоря, противоположное впечатление...

Ни один из серьезных юристов, комментировавших приговор, не считал его законным и справедливым – все они уверенно говорят, что он не имеет ни малейшего отношения к правосудию. И это не вопрос квалификации судьи Данилкина, не вопрос о степени реально оказанного на него (не через СМИ, а совсем из другого источника) давления, и не вопрос отсутствия у него гражданской смелости для вынесения законного решения. Его действия должны рассматриваться с другой точки зрения: не наличествует ли здесь состав, определенный в статье 309 УК РФ – вынесение заведомо неправосудного обвинительного приговора, связанного с лишением свободы?

Впрочем, не только Ходорковскому и Лебедеву вынес приговор судья Данилкин. Он вынес его и всему российскому «правосудию» (трудно не взять это слово в кавычки), в рамках которого отныне бессмысленно надеяться на защиту своих законных прав. Он показал, что власть не намерена соблюдать какие-либо приличия, не намерена идти ни на какие компромиссы, когда речь идет о личной мести (и мы все знаем, с чьей стороны). И он вынес приговор Дмитрию Медведеву, показав, что в России сегодня нет президента.

Есть гражданин Медведев, замещающий эту должность – но нет гаранта Конституции, ибо нет (не только в деле Ходорковского

Лебедева, но в нем – наиболее ярко) гарантированных ею прав и свобод. И грош цена всем словам Медведева о «правовом государстве», «независимом суде», «модернизации», и особенно, свободе, которая лучше чем несвобода...

Судья Данилкин поставил точку в долгой истории надежд на «медведевскую оттепель», о которой мечтали все те, кому смертельно надоело путинское правление. Надо, мол, только не торопить его (как в свое время торопили Горбачева), дать ему освоиться, набрать силу, расставить своих людей на ключевые посты и приступить к действиям... Правда, за тридцать месяцев правления Дмитрий Медведев не сделал ровным счетом НИ-ЧЕГО для изменения политического курса, который проводил Путин – но надежды оставались. Последним импульсом для них стало предновогоднее интервью, где президент заявил, что никто из госчиновников не вправе высказывать свое мнение о виновности лица до решения суда – что резко диссонировало с заявлением Путина, уверенного в «доказанности вины» Ходорковского.

Будущие участники «медведевского большинства», с надеждой ловящие каждый «сигнал», должны доказать либеральные намерения президента, восторжествовали: наконец-то! Свершилось! Вот она, «сознательная демонстрация окончательного разрыва внутри тандема» (как умилился Гарри Каспаров)! Вот она, «борьба между головами нашего державного орла»! Вот он, президент, решительно ставящий на место премьера! Вот оно, предвещание законного решения по делу Ходорковского!

Жестокое разочарование последовало через три дня, когда судья Данилкин зачитал первые строки приговора, и стало понятно, что он будет обвинительным. А когда стал ясен срок, стало ясно, что единственное предназначение Медведева – через год безропотно уступить место Путину...

Да, президент не имеет полномочий влиять на решение суда – но в его руках такой «абсолютный» инструмент, как помилование (заметим, не предполагающее ни признания вины осужденными, ни обращения за помилованием). Он вправе инициировать амнистию тем, кто отбыл не менее половины срока за экономические преступления. И он вправе «поторопить» проект закона, по которому день, проведенный в СИЗО, засчитывается за полтора или два дня в колонии – в этом случае срок заключения Ходорковского и Лебедева резко сократился бы (учитывая годы,

веденные в следственном изоляторе)... Но ничего этого он не делает – и, думается, не сделает.

С приговором Ходорковскому и Лебедеву (который уже обжалован) большая часть «думающего» российского общества не согласилась и не согласится. А вот с приговором Медведеву дело обстоит прямо противоположным образом.

Он – окончательный. И обжалованию уже не подлежит.

Губернатор фильтрованный

Путин предложил вернуться к выборности губернаторов, но в такой форме, что это обернется профанацией

О том, что выборы губернаторов и членов Совета Федерации надо возвращать, в последние годы говорили постоянно.

Даже Дмитрий Медведев, который пару лет назад заявлял, что раньше чем через сто лет этого не произойдет, стал допускать и сокращение этого срока. И, казалось бы, предлагая вернуть процедуру, Путин делает уступку общественному мнению. Однако вовсе нет.

Что предлагает Путин? Партии, представленные в региональном парламенте, выдвигают кандидатов в губернаторы. Потом кандидатуры посылают президенту, который и решает, кто будет включен в бюллетень для голосования на прямых выборах населением региона. Аналогичную схему Путин предлагает и для сенатских выборов. И, наконец, он предлагает сохранение за президентом возможности отправить даже выбранного губернатора в отставку.

Зачем предлагать схему, аналогов которой нет ни в одной демократической стране? Почему не дать народу право выбирать без всякого «президентского фильтра»? Премьер отвечает на это аргументами 2004 года, когда объяснял отмену губернаторских выборов: надо «отсекать приход во власть людей, которые будут опираться на полукриминальные силы». Но практически все губернаторы, которых считали опирающимися на эти «темные

были либо переназначены, либо впервые предложены к назначению президентом Путиным. Некоторые трудятся и по сей день. Никакой «фильтр» не сработал.

Схему Путина тут же поддержал нынешний президент: это «хороший переходный вариант» к подлинно прямым выборам. И губернаторы дружно выступили за эту «более демократичную» схему. Демократичного в ней между тем нет ровным счетом ничего.

Понятно, что из кандидатов, которые выдвинуты партиями, президент оставит лишь тех, кто его полностью устраивает. Теоретически это может быть даже одна кандидатура – от той партии, которую представляет он сам. Или две кандидатуры – со спарринг-партнером, чье участие позволит назвать выборы альтернативными. А представители оппозиции через «фильтр» не пройдут.

После этого назвать выборы – выборами можно будет ровно с тем же основанием, как и некогда выборы Советов депутатов трудящихся – только тогда роль «фильтра» играл обком или райком КПСС. По сути, именно в прошлое нам сейчас и предлагают вернуться – выдавая его за «переходный период»

будущему. Почему – понятно: последние выборы показали, что власть может одержать победу лишь путем массовых фальсификаций. Остается одно: так «отфильтровать» претендентов, чтобы победить еще до голосования.

А зачем нам президент?

Пусть политики борются за парламентские мандаты, а не за должности в исполнительной власти

Разговор, начатый статьей Лилии Шевцовой, Игоря Клямкина и Михаила Краснова «В Конституции не должно быть места для вождя» (см. «Новую газету» от 11 января), представляется не только важным, но и требующим продолжения.

Важным потому, что авторы призывают именно к системным, а не к персональным изменениям российской власти (обычно

ничищаются требованиями отставки Путина или Чурова, Фурсенко или Нургалиева). А требующим продолжения – потому что, говоря о политической реформе как отказе от сложившегося в России в последние годы самодержавия, авторы предлагают ограничиться «полушагом» вместо необходимого шага.

Требование политической реформы, – изменения принципов государственного устройства, – ранее почти не встречавшееся у российских политиков, сегодня стало традиционным. Об этом говорят Михаил Горбачев и Григорий Явлинский, Михаил Ходорковский и Михаил Касьянов, Владимир Рыжков и Геннадий Зюганов, Алексей Кудрин и Гарри Каспаров. И

многие другие. Об этом же – и статья Шевцовой, Клямкина и Краснова. И лозунг «Долой самодержавие!» – предложенный автором

«Новой газете» в январе 2004 года и казавшийся тогда политическим чудачеством, – сегодня становится все более и более адекватным отражением общественных настроений. «Систему менять надо», как в знаменитом анекдоте конца 80-х. Вот только – как?

Сначала – немного истории.

Мысль о введении поста президента РСФСР возникла у сторонников Бориса Ельцина осенью 1990 года – как продолжение тактики освобождения от «диктата центра». В марте 1990 года был учрежден пост президента СССР, которым стал Михаил Горбачев, – в ответ родилась идея наделить Ельцина статусом, сравнимым с тем, что уже имелся в «конкурирующей фирме».

Соответствующее решение было принято 17 марта 1991 года на референдуме – «да» на вопрос о введении президентского поста ответили 70% пришедших избирателей. При этом – что очень важно – президентский пост создавался не как необходимый обществу государственный институт, а исключительно как способ объявления Ельцина единоличным главой государства. И именно на этот вопрос, по сути, отвечали как сторонники, так и противники Ельцина, не очень задумывавшиеся о различиях между парламентской (какой была РСФСР) и президентской республикой...

На первые два года республика оказалась полупрезидентской, поскольку российский парламент де-юре сохранил свои полномочия. Но де-факто возник второй центр власти, который начал перетягивать на себя полномочия и ресурсы и избавляться от мешающего ему парламентского контроля.

Дело здесь было не в личных качествах Ельцина – такое поведение свойственно любой исполнительной власти. Но в странах с сильной правовой системой и устоявшимися демократическими традициями президент не может стать самовластным и бесконтрольным. А в России, – с ее традициями единоначалия и уверенности в том, что начальник выше закона, – парламент автоматически оказался «второстепенной» ветвью власти. Попытки поставить исполнительную власть на положенное ей место привели к известным событиям осени 1993 года, после которых была принята Конституция, закрепившая в России президентскую республику.

На протяжении последующих лет необходимость президентского поста в России считалась само собой разумеющейся, а неприятие парламентской формы правления было характерно не только для власти, уверенно заявлявшей, что только «сильная президентская власть» годится для нашей страны, но и для большинства оппозиции.

Одни оппозиционеры опасались «левого реванша» и «красного правительства», другие – «смены правительства каждые 3–4 месяца, как в Италии», третьи сетовали на «безответственность парламента», которому никак нельзя поручить формировать правительство, четвертые пугали возвращением «всевластия Советов» и так далее. И потому призывы к парламентской республике вплоть до последних лет проходили по разряду политологических мечтаний, а претензии к власти были не системными, а персональными. Мол, стоит

выбрать вместо «плохого» президента «хорошего», как власть начнет работать в интересах граждан, эффективно решая их проблемы...

Понимание того, что «не начнет», стало приходить лишь в последние годы. Когда стало ясно, что при любом президенте – Ельцине, Путине, Медведеве – власть одинаково глуха к нуждам граждан, потому что независима от них. Именно эта независимость и была главной задачей Конституции 1993 года – хотя и публично не декларируемой. Именно для этого реальные полномочия были переданы в руки президента и подчиненной ему «вертикали», а законодательная власть была сделана бессильной. И именно поэтому любые намеки на отказ от президентства вызывали в Кремле неизменную ярость и дежурные заверения в том, что этого не может быть потому, что не может быть никогда.

Между тем без этого отказа изменение ситуации в стране невозможно. Сохраняя «президентскую вертикаль», мы так и будем бороться лишь со следствиями, а не с причинами неэффективности российской власти. Следовательно, отказываться надо – но в пользу чего?

Верно констатируя наличие у общества сегодня «стихийного запроса на иной, чем самодержавие, государственный строй», Лилия Шевцова, Игорь Клямкин и Михаил Краснов тем не менее предлагают полупрезидентскую форму правления – с сохранением президентского поста. Переход же к парламентской республике они отрицают, полагая, что он, «как и 20 лет назад, несет в себе опасность дезорганизации всего государственного механизма». Потому что парламентская форма правления эффективна лишь в тех странах, где сложились сильные партии и где укоренились демократическая политическая культура и конституционное правосознание – чего в России нет. Вот когда партии вырастут и окрепнут – тогда можно об этом и подумать...

Согласиться с этой аргументацией – при всем огромном уважении к авторам – трудно. Потому что она напоминает известное «вот научитесь плавать – тогда мы вам в бассейн воду нальем».

Жалобы на отсутствие сильных партий – без которых невозможен переход к парламентской республике – мы слышим уже много лет. Но откуда они возьмутся в президентской республике «российского исполнения»?

Откуда у граждан появятся стимулы объединяться в сильные партии, если партии не могут влиять на ситуацию в стране? Как могут партии укрепиться, если они могут критиковать правительство, но не могут его сменить, даже выиграв парламентские выборы? Как возникнет «конституционное правосознание», если система принятия властных решений выстроена по самодержавным принципам?

Эта система не просто не способствует появлению сильных партий – напротив, она целенаправленно их ослабляет. В ней сильной может быть только одна партия – созданная самой властью ради самосохранения. Но и она при этом не оказывает никакого влияния на правительство, поскольку зависит от него, а не наоборот, и является лишь правительственным департаментом по оформлению законодательных предложений...

Полупрезидентская республика, предлагаемая Шевцовой, Клямкиным и Красновым, конечно, лучше президентской. Но зачем нам нужен президент?

Если у него нет реальных полномочий – без него прекрасно можно обойтись. А если есть? В полупрезидентской республике – скажем, в упомянутой авторами Франции – президент может конфликтовать с парламентом и добиваться его роспуска и проведения досрочных выборов. В его ведении остаются вопросы обороны, безопасности и внешней политики. И он, будучи всенародно избранным, обязательно будет считать себя «главнее» парламента со всеми вытекающими из этого последствиями, которые мы уже наблюдали в 1992—1993 годах. Именно тогда, кстати (а вовсе не в период парламентской республики, – с весны 1990-го до лета 1991-го) – имела место та самая «дезорганизация государственного механизма», которой опасаются авторы. Оно нам надо, как сказали бы в солнечной Одессе?

Принципиальное изменение ситуации в стране возможно только в одном случае – если будет сделан шаг, а не полушаг. Если будет осуществлен переход к парламентской республике, где президентского поста нет вообще (или президент – лишь формальная фигура, как, скажем, в Германии, Австрии или Италии), а партии конкурируют между собой за право формировать правительство. Только в такой системе могут возникнуть сильные партии – и это будет происходить, потому что принципиально изменится отношение граждан к парламентским выборам: они будут понимать, что выбирают реальную власть. И политики будут бороться за мандаты в законодательной власти, а не за должности во власти исполнительной, получение которых зависит не от поддержки граждан, а от лояльности начальству.

«Надо считаться с наличным уровнем культуры российского общества, с тем, что принято называть ментальностью», – полагают Лилия Шевцова, Игорь Клямкин и Михаил Краснов. Стоит напомнить, что в свое время в ментальности общества руководящая роль КПСС была закреплена ничуть не меньше, чем сейчас – руководящая роль президента.

Невское фильтрованное

Президент предложил допускать на выборы губернаторов только кандидатов, получивших поддержку муниципальных депутатов

Новая идея президента Дмитрия Медведева – еще один пример того, как власть допускает только такие изменения политических «правил игры», которые ни в коем случае не приведут к смене правящих элит.

Более ранний пример – «партийная реформа помедведевски». Партий теперь может быть много – но запрет на создание избирательных блоков, препятствующий образованию предвыборных коалиций, надежно сохраняет монополию власти (у нее-то всегда будет только одна партия).

Теперь то же самое – с губернаторскими выборами. Формально у граждан будет право выбирать губернаторов. Но только из числа тех, кто предварительно пройдет через «муниципальное сито». А оно заранее настроено так, что никого неугодного не пропустит. И оппозиционеры проиграют «губернаторский матч» просто потому, что не смогут даже выйти на поле.

Мысль о «муниципальном сите» была озвучена на встрече уходящего президента с губернаторами – то есть именно с теми, кто менее всего заинтересован в свободных выборах глав регионов. Дмитрий Анатольевич сообщил, что «у присутствующих здесь и целой группы людей, которая здесь не представлена, родились идеи по совершенствованию законопроекта о выборах губернаторов».

Мол, пусть кандидаты в губернаторы перед выборами заручатся поддержкой со стороны муниципальных депутатов и глав муниципальных образований. Это должно «помочь людям определиться – за кого из кандидатов голосовать».

Снова «фильтр»! Сперва был «президентский фильтр», дающий главе государства право «фильтровать» кандидатов в губернаторы от партий. Теперь – «муниципальный», решающий ту же задачу: не допустить к выборам неугодных кандидатов. Свести до минимума неопределенность результата, но на словах назвать это «выборами». Пойти на все, только бы не вводить традиционный

низм борьбы политиков и партий за право возглавить исполнительную власть, участвуя в выборах губернаторов.

Предлагая «муниципальный фильтр», президент не может не знать: подавляющее большинство муниципальных депутатов в стране – от «Единой России». И вовсе не потому, что это самая популярная партия, а потому, что в большинстве муниципалитетов (особенно в малых городах и сельских районах) никаких других партий просто нет. Там же, где они есть, оппозицию либо не допускают к выборам, либо дают «административным ресурсом», либо подделывают результаты. Исключения бывают – но они только подтверждают правило.

Поэтому предложение к кандидатам «заручиться поддержкой» части муниципальных депутатов в реальности означает получение поддержки «Единой России». Что автоматически отсекает от выборов всех мало-мальски сильных оппозиционных кандидатов.

Нормальный механизм выборов губернаторов ничего общего ни с какими «фильтрами» – ни президентскими, ни муниципальными – принципиально не имеет. Это – свободное выдвижение кандидатов (зарегистрированная партия получает такое право автоматически) и свободные выборы. Возможен, заметим, и другой способ формирования исполнительной власти региона – ее назначение властью представительной (система парламентской республики), но и здесь не должно быть никаких «фильтров».

И та, и другая схема обеспечивает главное: зависимость исполнительной власти от общества. Либо – прямую (через выборы губернатора), либо – опосредованную (через выборы гражданами депутатов). А то, что предлагает Дмитрий Медведев, имеет свой кардинальный порок именно в том, что такой зависимости не обеспечивает: тщательно «отфильтрованные» заранее кандидаты в губернаторы зависеть от граждан не будут – и соответственно, ничем не будут мотивированы исполнять их волю и решать их проблемы.

Впрочем, как представляется, такой задачи президент и не ставил. Он ставил другую: изменить форму – ни в коем случае не меняя содержания. Ведь стоит только допустить свободное выдвижение – и результат может оказаться непредсказуем. В чем Дмитрий Медведев вместе с Владимиром Путиным убедились на личном примере – в 1996 году, когда их патрон Анатолий Собчак проиграл губернаторские выборы в Петербурге Владимиру Яковлеву.

II

Война без победителей

Этот раздел – о позорной войне с Грузией в 2008 году. Войне, на которой были опробованы «технологии» будущей агрессии против Украины. Войне, на которую Запад дал, – к своему позору, – типично «мюнхенский» ответ. Именно этот ответ вселил в Кремль уверенность в том, что попытку можно повторить...

Наши танки на чужой земле

«Власти Южной Осетии не пустят обратно грузинских беженцев, которые покинули свои села в зоне грузино-осетинского конфликта из-за начала военных действий, сообщил президент непризнанной республики Эдуард Кокойты в интервью „Коммерсанту“.

„Мы не намерены туда больше кого-то запускать. Более 18 тысяч осетинских беженцев из Грузии сейчас находятся в Северной Осетии. Нам их нужно возвращать в Южную Осетию“, – заявил Кокойты. На вопрос о грузинских анклавах в Южной Осетии, действительно ли, что они фактически уничтожены, президент непризнанной республики ответил: „Мы там практически выровняли все. Установили границу Южной Осетии... А что, надо допустить, чтобы нас оттуда обстреливали? Опять стреляли нам в спину и издевались над нашим народом?“»

Вообще-то, именно это и называется «этническими чистками», в которых Кокойты простодушно признается, и в проведении которых Путин, Медведев, Лавров и другие обвиняют Грузию – по принципу «нападение – лучшая защита». При этом г-на Кокойты президент Медведев торжественно принимает в Кремле, обещая «гарантировать» статус Южной Осетии. Впрочем, чему удивляться? Кто там у нас в друзьях? Махмуд Ахмадинежад и «Хамас»? Но если лидеров «Хамаса», которые, как и иранский президент, публично призывают к решению «еврейского вопроса», радушно принимали в Москве – чем хуже Кокойты, решающий «грузинский вопрос»?

«К уголовным делам по фактам массовых убийств и геноцида в Южной Осетии могут добавиться статьи о военных преступлениях и преступлениях против человечества, передает ИТАР-ТАСС,

лаясь на заявление председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ Александра Бастрыкина, возглавляющего работу российских следователей в Цхинвали. По словам Бастрыкина, сейчас проводится работа по исследованию и документации фактов применения грузинской стороной по мирному населению недопустимых систем вооружений, в частности, систем залпового огня, которые, по международным договорам, не могут применяться в городах с мирным населением».

Помнится, эти международные договоры появились задолго до войны в Чечне! Еще в Гагской конвенции 1907 года говорилось, что «воспрещается атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищенные города, селения, жилища или строения». И в Женевской конвенции 1949 года (с дополнительными протоколами 1977 года) «О защите гражданского населения во время войны» все сказано о недопустимости подобных действий.

Все мы знаем, как Россия «соблюдала» в Чечне эту конвенцию. И соответствующие факты давно уже исследованы и документированы независимыми журналистами, а кое-что – даже Европейским судом по правам человека. Хочется спросить у главы Следственного комитета: когда будут возбуждены дела против тех, кто виновен в этих преступлениях? Когда будут хотя бы вызваны на допрос, – не говоря уже о возбуждении дел, —

Следственный комитет бывший Верховный главнокомандующий Путин вместе с Героем России генералом Шамановым, генералом Хрулевым и другими нынешними «миро-творцами»?

Понятно, что куда легче и приятнее в служебном плане заниматься обоснованием «геноцида», якобы проводимого Грузией в Южной Осетии. Но, во-первых, это слово имеет вполне четкое юридическое определение – в соответствии с Конвенцией по предупреждению и наказанию преступления геноцида, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 года.

Согласно статье 2 этой конвенции, под геноцидом понимаются «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую», а именно а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; d) меры, рассчитанные на

вращение деторождения в среде такой группы; е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Ни одному из этих признаков совершенное 8–12 августа в Южной Осетии, а именно – обстрел и штурм Цхинвали, и боевые действия в городе и его окрестностях, – как представляется, не соответствует. Можно и, наверное, необходимо вести речь о нарушении Грузией упомянутой выше Женевской конвенции 1949 года, но не о «геноциде». Тем не менее, российские официальные лица раз за разом говорят именно о «геноциде», совершая намеренную подмену понятий, ибо геноцид является одним из тягчайших и осуждаемых в мире преступлений.

Заметим, что все больше и больше сомнений возникает в верности данных о потерях среди гражданского населения Южной Осетии, ибо установившаяся в российских официальных СМИ цифра в «2000 человек» не подкреплена ничем, кроме заявлений официальных лиц.

На данный момент международная правозащитная организация Human Right Watch, опираясь на данные российских медиков, установила факт гибели лишь 50–60 человек, и ранения около 500 человек. О шести тысячах раненых, – а примерно столько их должно быть, если верить данным о 2000 погибших, – ничего не известно, их лишь несколько сотен, причем многие из них – не гражданские, а военные. Возможно, эти подсчеты не точны, и реальные потери значительно больше. Но российская сторона не предъявляет никаких доказательств иного, и не сообщает о своей методике подсчета.

Бесспорно, даже и десятки погибших мирных граждан – это трагедия. Но с учетом того, что страшные цифры потерь с первых же дней конфликта служили главным пропагандистским обоснованием военных действий со стороны России, не может не возникнуть вопрос: что, если речь идет о намеренной дезинформации, имевшей своей целью возбуждение массовой вражды и ненависти у российского населения в отношении Грузии? И служащей и сегодня оправданием нахождения российской армии на грузинской территории?

Кстати, а какой, собственно, «миротворческий мандат», о котором нам все время твердят, сегодня имеет Россия?

Сочинские (Дагомыские) соглашения 1992 года перечеркнуты, поскольку они изначально исключали «возможность вовлечения Вооруженных Сил Российской Федерации в конфликт».

Перечеркнуто и утвержденное этим соглашением «Положение об основных принципах деятельности воинских контингентов и военных наблюдателей, предназначенных для нормализации ситуации в зоне грузино-осетинского конфликта», согласно которому миротворцы должны были пресекать деятельность «любых неконтролируемых сторонами вооруженных формирований», и немедленно урегулировать групповые конфликты, в том числе вооруженные. Миротворцы имели право преследовать, задерживать, а в случае оказания вооруженного сопротивления уничтожать вооруженные банды и формирования, не выполняющие требования режима чрезвычайного положения в зоне конфликта, а преследование и ведение боевых действий за пределами зоны конфликта могло осуществляться только после обязательного уведомления местных правоохранительных органов. Наконец, миротворцы имели право вести боевые действия, используя исключительно имеющиеся у них на вооружении средства, и в соответствии с приказом командующего. Понятно, что все эти положения также были нарушены.

Де-факто аннулирует соглашение и отказ России от предписанной им структуры миротворческого контингента – российской, североосетинской и грузинской части, а именно – заявление российских властей, о том, что грузинские миротворцы не будут допущены в Южную Осетию.

Далее, нарушен Федеральный закон от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности», по которому решение о направлении за пределы территории России воинских формирований Вооруженных Сил для участия в миротворческой деятельности принимается президентом РФ на основании постановления Совета Федерации. И если соответствующее постановление не получит большинства голосов – Вооруженные Силы не могут быть использованы за пределами РФ. Данный вопрос, как известно, в Совете Федерации не обсуждался.

Наконец, мандата ООН на миротворческие действия в Южной Осетии у России нет и никогда не было. Не говоря уже о «миротворческой деятельности» на остальной территории Грузии: в Сенаки, Поты, Гори, Боржоми, Зугдиди.

Резюмируем: когда Дмитрий Медведев заявляет, что «Россия, как гарант безопасности на Кавказе и в регионе примет то

ние, которое будет отражать недвусмысленным образом волю этих двух кавказских народов», и что «не просто будет принимать эту волю, но и будет руководствоваться в своей внешней политике этой волей и гарантировать ее исполнение на территории Южной Осетии и Абхазии в соответствии с тем миротворческим мандатом, который у нас есть», – он не опирается ни на какие юридические нормы, ибо никакого «миротворческого мандата» уже не существует. Не говоря уже о том, что статусом «гаранта безопасности на Кавказе и в регионе» российское руководство наделило себя само. Никакими международными нормами или двусторонними договорами это не установлено.

Снова, снова – громом среди праздности, Комом в горле, пулею в стволе:

– Граждане, Отечество в опасности! Граждане, Отечество в опасности! Наши танки на чужой земле!

Как сегодня написано.

Война без победителей

Пятидневная война между Россией и Грузией – главное событие августа, последствия которого и во внешней и во внутренней политике страны будут ощущаться еще долго. В этой войне нет и не могло быть победителей – есть только проигравшие и жертвы. И главные проигравшие – грузинский, осетинский, российский народы, оказавшиеся втянутыми в бессмысленный кровавый конфликт.

Когда будет написана подлинная история новой кавказской войны – она будет серьезно отличаться от той, которую мы видели на экранах «Первого канала» и «РТР» и слышали из уст российских политиков и дипломатов. Правда, даже они, заявляя о победе России в военном столкновении с Грузией (что неудивительно,

тывая подавляющее превосходство в силе), вынуждены признать ее поражение в информационной войне. К тому же ни один из давних союзников России не поддержал ее действия. Исключений только два: Фидель Кастро и Уго Чавес (и то сделавший это уже после окончания войны)...

Причина – отнюдь не в «нелюбви к России», усиление которой, как нам привычно объясняют, многим не нравится. Просто в мире сразу же вспомнили о том, о чем в эти дни не вспомнил ни один из российских телеканалов.

Какой принцип важнее?

Два базовых принципа современного мироустройства – территориальная целостность и право на самоопределение – не в первый раз сталкиваются под грохот пушек и танковых гусениц. И никто еще не смог дать теоретический ответ на вопрос: какой из этих принципов важнее? История второй половины XX века знает и мирный «развод» народов (в первую очередь, между прочим, таковым является распад СССР, который нет никаких оснований именовать «геополитической катастрофой»), и кровавые попытки отстоять либо территориальную целостность либо право на самоопределение.

Что касается ситуации на Кавказе, бессмысленно проклинать Сталина, который так несправедливо провел границы советских республик. Ведь точно так же были проведены и все остальные границы, в том числе и нынешние границы России. И включение Абхазии или Южной Осетии в состав Грузии было ничуть не большим произволом, чем включение Северного Кавказа в состав РСФСР. Ну а нынешние границы Грузии в 1991 году, когда она провозгласила независимость, были признаны и международным сообществом, и Россией. И хотя Россия поддерживала югоосетинских и абхазских сепаратистов, снабжала их оружием и раздавала там российские паспорта (которые сегодня, скажем, в Южной Осетии имеют около 90% населения) – она ни разу, нигде и никогда не заявляла, что требует предоставления им независимости.

Почему? Ответ прост: предшествующая политика России исходила из диаметрально противоположного.

Где разразились два самых кровавых конфликта последних лет, связанных с противопоставлением принципов территориальной

ности и права на самоопределение? В Чечне и в бывшей Югославии. И в обоих случаях руководство России отдало предпочтение территориальной целостности.

О том, как «наводили конституционный порядок» в Чечне, написаны тысячи статей и сняты сотни телесюжетов. «Ковровые бомбардировки», стрельба из «Градов» по городам и селам, расстрелы беженцев, взятие заложников, пытки – все это страшная реальность двух кавказских войн. Но когда правозащитники, оппозиционные политики и независимые журналисты называли происходящее преступлением и говорили, что нельзя сохранять территориальную целостность силой, – что они слышали от российских властей? Что Россия должна «не уступать ни пяди» своей земли, что происходящее – наше внутреннее дело, в которое никто не вправе вмешиваться, а действия федеральных сил в Чечне не преступление, а доблесть.

А когда на Балканах начали «принуждать к миру» Радована Караджича и Слободана Милошевича, какую позицию заняла Россия? Она не осудила ни резню в Сребренице (одно из самых страшных преступлений последних лет), ни этнические чистки

Косово. Россия требовала защитить территориальную целостность братской Югославии и осуждала натовские бомбардировки.

Так надо ли удивляться, что заявления российских лидеров во время «пятидневной войны» выглядели неубедительными? Они справедливо осуждали обстрел Цхинвали – а им напоминали про обстрелы Грозного. Они говорили о праве осетинского народа решать свою судьбу – а им отвечали: почему же вы лишили этого права чеченский народ, столь же недвусмысленно высказавшийся в 1990-е годы за свою независимость? Они говорили о необходимости вмешательства для защиты мирных жителей – им напоминали, что действия НАТО в Югославии были названы Россией «агрессией» и нарушением Устава ООН. И спрашивали: разве это не те самые «двойные стандарты», в использовании которых Россия привычно упрекает Запад?

В самой России, впрочем, лишь немногие решались на эти сравнения. И уж конечно, мы не услышали никакой дискуссии по этим вопросам на федеральных телеканалах, превращенных в пропагандистские рупоры...

Мифы и правда

Действиям грузинского президента, попытавшегося силой решить «осетинский вопрос», нет оправдания. Казалось бы, печальный опыт Чечни должен был послужить печальным примером, но не послужил. Однако не стоит безоглядно верить официальной российской версии происшедшего.

В полном соответствии с известным суждением Бисмарка – «никогда так не лгут, как перед выборами, во время войны и после охоты» – во время «пятидневной войны» уровень официальной лжи зашкаливал (само собой, с обеих сторон, но мы обсуждаем Россию, а не Грузию). Независимых журналистов, которые бы работали в зоне конфликта и которым бы верили – как во время войны в Чечне, на сей раз были единицы. И уж точно их не было на находящемся под контролем власти российском телевидении.

В результате реальная картина происшедшего оказалась серьезно искажена и серьезно подействовала на общественное мнение, которое, как сегодня фиксируют социологи, в большинстве своем на стороне власти.

Нам рассказывали об обстреле и штурме Цхинвали, но умалчивали о предшествовавшем этому обстреле грузинских сел в Южной Осетии (заодно умалчивали о том, что грузины составляют 35% населения непризнанной республики). Нам показывали осетинских беженцев, но не показывали грузинских. И нам показывали российских генералов, которые до последнего отрицали то, что уже увидел весь мир: что российская армия бомбила Гори и Сенаки, что российские подразделения входили в Гори, Зугдиди и Боржом и захватили порт Поты. Все эти города находятся далеко за пределами Южной Осетии, и указанные действия – как и последующее разграбление военных баз Грузии, захват «трофеев», установка блокпостов и прочее – не имеют ни малейшего отношения ни к «миротворчеству», ни к «защите мирного населения Южной Осетии». А еще нам называли потери среди осетинского населения – две тысячи, потом 1600 человек, потом около 1500. И непрерывно говорили о «геноциде» и «этнических чистках»...

Сперва о жертвах: международная правозащитная организация Human Right Watch, опираясь на данные российских (а не каких-либо других) медиков, достоверно установила факт гибели в Южной Осетии лишь 50–60 человек. О пяти-шести тысячах

ных – примерно столько их должно быть, если верить данным 1500 – 2000 погибших, – ничего не известно, их лишь несколько сотен, и многие из них не гражданские лица, а военные.

Возможно, эти подсчеты не точны и реальные потери значительно больше. Но ни российские, ни югоосетинские власти не предъявляют никаких доказательств иного. Казалось бы, если есть больницы, заполненные тысячами раненых, – покажите их всему миру, и он поверит! Но нет, ничего подобного...

Бесспорно, даже и десятки погибших мирных граждан – трагедия, и виновные в ней должны нести ответственность. Но ведь именно страшные цифры потерь с первых же дней конфликта служили главным обоснованием военных действий со стороны России. Так не шла ли речь о дезинформации, имевшей своей целью обработку общественного мнения?

Что касается «геноцида» и «этнических чисток» – этими обвинениями в адрес Грузии полюбили бросаться наши политики и дипломаты, – пока что они представляются совершенно необоснованными.

Указанные понятия, относимые к преступлениям против человечества, имеют четкую юридическую трактовку, в том числе в конвенциях ООН, ратифицированных Россией. Но возьму на себя смелость утверждать: ничего подобного тому, что установлено этими конвенциями, на территории Южной Осетии не происходило – во всяком случае тому не представлено никаких доказательств.

Когда на эту территорию попали журналисты, они сообщали только о погибших и раненых в результате перестрелок и бомбежек. Это доказывает нарушение Грузией Женевских конвенций, но не свидетельствует об уничтожении людей по национальному признаку. А с «чистками» дело обстоит просто наоборот: сегодня из района конфликта изгнаны не осетины, а грузины. Лидер Южной Осетии Эдуард Кокойты говорит, что грузинские села в республике уничтожены (при этом российские «миротворцы» не препятствовали ни изгнанию жителей из этих сел, ни их разрушению), и заявляет, что не позволит вернуться грузинским беженцам...

То, что российские телеканалы заняли в дни войны столь однозначную и предвзятую позицию, совершенно не удивляет. Ведь те же официальные каналы многократно рассказывали гражданам собственной страны вопиющую неправду. Или не они сообщали о

«подававших сигналы» моряках «Курска», занижали в несколько раз число заложников в Беслане, уверяли, что от «монетизации» народ только выиграет, и называли российские выборы самыми честными в мире?

Впрочем, как уже сказано, большинство российского населения одобряет действия властей, не желая или не умея задуматься. Это не ново: то же самое наблюдалось и во время второй чеченской войны, когда Анатолий Чубайс радостно заявлял о «возрождении российской армии в Чечне» и объявлял предателями всех, кто с этим не согласен. Но тем, кто сегодня восторгается новым «возрождением армии», стоило бы полистать подшивки советских газет времен ввода войск в Венгрию в 1956-м, в Чехословакию в 1968-м или в Афганистан в 1979-м. И убедиться в полном сходстве риторики, используемой для оправдания военных действий на чужой территории...

Иного не дано?

«У России не было иного выхода – войска ввели для спасения мирных жителей, – уверяют нас. – Подавляющее большинство из них – российские граждане. Надо было сидеть и смотреть, как гибнут люди?».

Безусловно, не надо было. Но дальше начинаются неприятные вопросы, ответа на которые старательно избегают отечественные политики и генералы.

Во-первых, откуда в Южной Осетии появилось такое число российских граждан? Известно, какие сложности испытывают граждане, родившиеся и выросшие на территории СССР, пытаясь получить российское гражданство, между тем в Южной Осетии и в Абхазии паспорта раздавали, как канцтовары. Зачем? Чтобы в любой удобный момент заявить, как это и произошло сейчас, что Россия не может оставить своих граждан без защиты? Помните, захват Германией Судетской области Чехословакии в 1938 году тоже был проведен под предлогом «защиты проживающих там немцев».

Во-вторых, если бы целью российского руководства была исключительно защита своих граждан (многие ли из российских граждан на российской территории чувствуют хоть какую-то «защищенность»?) в Южной Осетии, существовало немало способов предотвратить конфликт. Начиная с жесткого предупреждения Грузии: на любую попытку силового захвата Южной Осетии Россия ответит адекватными мерами. Однако это не было сделано.

А в-третьих, «миротворческая операция» должна была закончиться на территории Южной Осетии устранением опасности для мирного населения. В этом случае никто в мире не осудил бы Россию. Однако ее армия вышла за эти границы и начала масштабную военную операцию на территории Грузии. При этом были нарушены и нормы международного права («принуждение к миру» допускается только под эгидой Совета Безопасности), и российская Конституция (армия не используется за пределами страны без положенной санкции Совета Федерации), и «Сочинское соглашение» 1992 года, которое определяет «миротворческий мандат» России.

Что дальше? А дальше признание Южной Осетии и Абхазии российскими властями (что не будет иметь международных юридических последствий) и масштабные затраты на «восстановление Южной Осетии» (что будет иметь большие экономические последствия).

Помочь жертвам «пятидневной войны», конечно же, необходимо. Они остро нуждаются в гуманитарной помощи – продуктах, одежде, лекарствах, стройматериалах и так далее.

Но ведь речь сегодня идет и о прямом финансировании республики из российского бюджета, о включении ее в нацпроекты, о строительстве разного рода объектов, о «кадровой помощи» в формировании правительства... Кто-то из федеральных чиновников уже обмолвился, что расходы на восстановление Южной Осетии будут сравнимы с расходами на восстановление Чечни. Вдохновляющее сравнение: как разворачивались деньги в чеченской «черной дыре», мы хорошо помним. Теперь создадим «осетинскую»?

Интересно еще вот что: на каком правовом основании Россия будет что-то «восстанавливать» на чужой территории? Или мы ее уже считаем «по факту» своей?

Последнее. Еще один – и не менее печальный – результат «пятидневной войны» в том, что на ее фоне стремительно усиливаются рефрен «Ищи врага!» и мобилизационная риторика. А это в свою очередь предвещает внутривластные изменения, и вряд ли в сторону демократии и свободы. Хотя, конечно, хотелось бы ошибиться...

«Правильно сделали, что вмазали по этому Саакашвили», — с удовлетворением говорит мой дядя, сидя напротив меня за праздничным столом на дне рождения своего сына. «Вот как на людей действует пропаганда», — скептически откликается его жена, но остается в меньшинстве: большая часть присутствующих придерживается той точки зрения, что Путин с Медведевым, мягко говоря, не сахар, но на этот раз сделали все правильно. Попытки объяснить, что картина произошедшего в августе 2008-го на Кавказе, которую рисовали зрителям российские телеканалы, радикально не соответствует действительности, большого успеха не имеют. Собравшиеся, между тем, — традиционный демократический электорат, никогда не голосовали ни за коммунистов, ни за ЛДПР, ни за «Единую Россию». И тем не менее — такой, весьма специфический, взгляд на вещи...

Месяц назад, беседуя с Борисом Натановичем Стругацким, я сравнивал ситуацию в стране с той, что описана в экранизируемом сейчас Федором Бондарчуком «Обитаемом острове».

Да простит меня читатель за длинные цитаты:

«Гигантская сеть башен создавала излучение, которое действовало на нервную систему каждого человеческого существа так, что мозг облучаемого терял способность к критическому анализу действительности. «Человек мыслящий превращался в человека верующего, причем верующего исступленно, фанатически, вопреки быющей в глаза реальности». Поле «вытягивало из десятков миллионов душ всякое сомнение по поводу того, что кричали газеты, брошюры, радио, телевидение», а дважды в сутки «гигантский пылесос запускали на полную мощность, и на полчаса люди переставали вообще быть людьми». Опасность могли представлять только люди, которые были невосприимчивы к внушению. Их называли вырожденками. Постоянное поле на них не действовало вовсе, а лучевые удары вызывали у них только невыносимые боли. Выродков было сравнительно мало, около одного процента, но они были единственными бодрствующими людьми в этом царстве сомнамбул...»

Так вот, говорил я, сегодня в России большинство граждан, рассуждая о российско-грузинской войне, ведет себя, как при запуске на полную мощность излучения башен, и только кучка «выродков» отчаянно пытается сопротивляться официальной лжи... «Человек так устроен, что в первую очередь слышит именно и только то, что ему хочется слышать», — ответил Борис Натанович. — А чтобы отсеять ложь, чтобы разобраться в происходящем, надо иметь совсем другой менталитет, надо уметь искать, находить и анализировать информацию, надо быть «выродком»...

Надо. Вот только «выродков» этих — до невозможности мало. Более того, многие из тех, кто, казалось бы, ранее к ним относился, теперь ведут себя так, как будто бы ими быть перестали (по крайней мере, применительно к «пятидневной войне» на Кавказе).

Те, кто находил в себе силы противостоять массовой истерии осени 1993-го с его «Раздавите гадину», отказывался считать «красно-коричневым» всякого, кто не соглашался с правом Ельцина творить произвол «во имя реформ», выступал против войны в Чечне, и не поддавался милитаристскому психозу осени 1999-го, на кого не действовали ни Леонтьев,

ни Соколов, ни Доренко, ни Марков с Павловским, – сегодня как будто бы сломались, не выдержав повышенной интенсивности излучения.

«Ты ничего не понимаешь!, – говорят они мне. – Россия не могла не вмешаться!». – «А зачем было бомбить Гори и Сенаки, и оккупировать Поты?». – «Если откуда-то взлетают самолеты, чтобы бомбить нашу армию, надо уничтожить их военную инфраструктуру!». – «Мы что – объявили войну Грузии?». – «Она напала на Южную Осетию!». – «Как можно напасть на часть собственной страны?». – «Осетины не хотели жить вместе с грузинами». – «И поэтому Кокойты устроил этнические чистки, выгнал всех грузин из Южной Осетии, и сжег грузинские дома?». – «А они первые начали»...

Диалог с глухими – аргументы не воспринимаются.

Мне говорят про «стертый с лица земли Цхинвали» (при том, что спутниковые снимки опровергают эту ложь, и если что и «стерто», так это именно грузинские села), про «геноцид, устроенный Грузией (которому нет ни одного доказательства), про «две тысячи убитых» (еще одна ложь, опровергнутая уже не раз), про «зверства грузинских оккупантов», «ложь западных СМИ» и «американскую марионетку Саакашвили». И еще про священное

наций на самоопределение. Не выдерживаю: «да я и сам сторонник этого права – но где вы здесь видите нацию? Тридцать тысяч человек, из которых треть были ныне изгнанные грузины, возглавляемые «правительством», состоящим, большей частью, из бывших российских военных и чекистов, живущие, в основном, за счет российских «вливаний», контрабанды и производства «паленого» спирта – нация, нуждающаяся в самоопределении? И что-то не вспомнить, чтобы российские власти так же последовательно выступали за это право в Чечне. А преступления, совершенные там, таковы, что на их фоне происходившее

Южной Осетии – бледная тень...». Никакой реакции. Бессмысленно объяснять моим собеседникам, что нельзя оккупировать часть чужой страны под предлогом «защиты» мошеннически организованных там «российских граждан», что нельзя бомбить ее города, нельзя грабить ее имущество, нельзя выставлять на ее территории «блокпосты», и нельзя врать, до последнего отрицая очевидное.

Бессмысленно напоминать им, что с территории другой Осетии, – Северной, – в 1992 году изгнали десятки тысяч живших там ингушей, которым до сих пор не позволяют вернуться назад, и почему-то российское государство не спешит заступаться за их права.

Бессмысленно рассказывать им про железнодорожную ветку, которую строили российские войска якобы для подвоза щебня на олимпийские объекты в Сочи – и по которой потом перевезли танки, с помощью которых Абхазия (на которую, заметим, никто не нападал) захватила верхнюю часть Кодорского ущелья, где ис-покон веку никаких абхазов не было, а были только сваны.

На тех, кто находится под воздействием излучения (разве что, не башен, а «Первого канала» и «Вестей», «Известий» и «Российской газеты», «Комсомолки» и «Русской службы новостей») все это не действует – они верят тому, что лгут официальные российские СМИ, вопреки любой «бьющей в глаза реальности». Собственно, они и не признают эту реальность – они живут в виртуальном мире. Где Россия «встает с колен», где со всех сторон ее окружают враги, где за каждой неприятностью стоит проклятый Запад. И неважно, что

именно на этот Запад они ездят отдыхать, и мечтают, чтобы именно там учились, а потом нашли работу их дети и внуки...

А Увы: общественное сознание сегодня искажено, как никогда.
«выродкам», — тем, кто все-таки находит в себе силы

подаваться массовому безумию, — как никогда, тяжело. Потому что чувствуешь свое страшное одиночество среди собственного народа — даже и понимая причины, по которым так случилось. Но надо держаться. Не восклицать с пафосом, как Эдуард Лимонов (горячо одобряющий действия российской власти на Кавказе, и осуждающий либералов, которые думают иначе) — мол, «изоляция от своего собственного народа намного опаснее изоляции от мирового сообщества». И не заходиться в патриотической истерике, как Сергей Доренко, заявляющий, что «впервые за годы не стыдно за Россию, впервые за годы не стыдно за Кремль, впервые за годы президент сделал то, что я бы сделал на его месте».

Касательно Лимонова — ничего удивительного: не в первый раз. Помнится, в далеком 1995-м он выступил с полной поддержкой военной операции российского правительства в Чечне: мол, «впервые за время президентства президент сделал шаг к стабильности, сохранению границ и объединению русских в русском государстве». И предложил «ввести цензуру в средства массовой информации на все материалы, касающиеся ситуации в Чечне, запретить журналистам Российской Федерации, под страхом суровых наказаний, находиться в расположении дудаевских формирований и вести оттуда репортажи, освободить от занимаемых должностей военных и гражданских лиц, позволивших себе характеризовать действия правительства, президента и русской армии в Чечне как преступные».

Ну, а Доренко уже ответил на «Гранях» мой друг Андрей Пионтковский: «Ну почему же впервые? То же самое, почти дословно, с тем же чувством достоинства и справедливости вещал он в своих пламенных репортажах из пылающего Грозного, когда работал телевизионным киллером у Березовского. В той бригаде, которая через поход Басаева в Дагестан, через взрывы домов в Москве и Волгодонске, через «Грады» в чистом поле вела Путина к власти»...

С теми, кто против действий российской власти на Кавказе, я могу, — но вовсе не обязательно буду по одну сторону баррикады.

А вот с теми, кто ее поддерживает, я обязательно буду по разные стороны. Так же, как с теми, кто поддерживал войну в Чечне.

Хуже, чем преступление

Разыгранный в воскресенье фарс под названием «выборы в Южной Осетии» заставляет еще раз задуматься над тем, какой камень повесила себе на шею Россия в результате прошлогодней грузинской войны, и к чему приведет безумная кавказская политика Кремля.

Называть то, что происходило в Цхинвали, выборами, можно лишь с тем же основанием, что называть Южную Осетию — независимым государством.

При 52 тысячах заявленных избирателей (количество которых оценивалось оппозицией правящему режиму раза в три-четыре меньше) торжественно объявлено, что явка на

уровне 80%, а президентская партия «Единство», называющая себя ближайшим партнером «Единой России», конечно же, одержала победу (последние данные – 46% голосов). И – все, как у больших: Центризбирком и его «Информационный центр», МВД, несущий службу в усиленном режиме, политическое партии и партийные списки, «международные наблюдатели» из России и СНГ, конечно же, признавшие выборы честными и свободными (наблюдателей от Евросоюза режим, установленный цхинвальским дуче, в Южную Осетию не пускает)... При этом даже официальное (не говоря о реальном) число избирателей в Южной Осетии тянет лишь на средний питерский муниципалитет, происходящее выглядит, как минимум, комично. К тому же, оно сопровождается традиционными для сегодняшней России (что логично, учитывая, что такое сегодня Южная Осетия) скандалами – устранение с выборов оппозиции, фальсификации, и давление на избирателей, которых силой загоняют на участки.

Впрочем, обсуждать результаты этих «выборов» бессмысленно не только по этой причине.

О каких выборах может идти речь на оккупированной территории? В Москве и в Цхинвали могут сколько угодно рассуждать о «первых выборах после признания независимости», но фактически ситуация выглядит просто. Сперва Россия силой

тывает Южную Осетию, по всем нормам международного права (все то же самое в полной мере относится к Абхазии) являющейся частью Грузии, потом размещает там свои войска, потом включает ее в свою бюджетную систему, потом назначает туда министров, потом берет на содержание, потом берет под охрану границы, отделяющие ее от оставшейся части Грузии, и, наконец, организует там выборы марионеточных «органов власти». И кто же, позвольте спросить, будет с ними считаться?

Все это, заметим, происходит на фоне заявлений осетинских оппозиционеров о том, что в Южной Осетии установлен режим личной власти Эдуарда Кокойты (который они называют «тиранией», заявляя, что «сейчас воздух в Южной Осетии пропитан отчаянием и безысходностью, страхом и ненавистью»), а деньги, которые отправляют их Москвы на «восстановление», разворовываются, и до нуждающихся в помощи не доходят, что за прошедшие после войны десять месяцев не было ничего сделано для улучшения жизни и быта людей, что 80% населения живут ниже уровня бедности. Выясняются удивительные вещи – что в Южной Осетии при нескольких десятках тысяч населения имеется Антимонопольный комитет и управление по внутренней политике администрации президента (опять же, все как у больших), и, надо полагать, имеется еще и управление по внешней политике...

По прошествии почти года после позорной «грузинской войны», хочется спросить: что же в сухом остатке у России, которая сегодня находится в теплой компании исключительно с «Хамасом», заявившим о признании независимости захваченных у Грузии территорий? Даже Никарагуа, вопреки заявлениям российских СМИ, и то юридически не признала Южную Осетию с Абхазией – выяснилось, что решение президента Ортеги должен был утвердить парламент, а он делать этого не стал. И что получила Россия – ее граждане, – в результате этой войны?

Россия получит дополнительные расходы для своего бюджета? Бесспорно: практически весь бюджет Южной Осетии и две трети бюджета Абхазии составляют российские субсидии, выданные на безвозмездной и безвозвратной основе. При этом

Абхазия, – богатейшая территория, которая вполне могла бы сама себя обеспечивать, но, опять же, при признанном международном статусе, а так кто туда из Европы или Америки поедет отдыхать? Что касается Южной Осетии, то о каком «бюджете» там вообще можно говорить? И о какой, кстати (даже если предположить,

«развод» с Грузией случился бы абсолютно цивилизованно) независимости? Независимое государство предполагает, в том числе, и способность прокормиться без посторонней помощи. А в Южной Осетии нет ничего – ни промышленности, ни сельского хозяйства, ни полезных ископаемых. До сих пор, если верить тому, что говорили и писали об этой территории, это был маленький, но гордый бандитский анклав, живущий за счет контрабанды и производства «левого» алкоголя. И откуда сейчас возьмутся деньги на его содержание? Ах, из России? А почему, собственно я, как налогоплательщик, должен ее кормить?

Россия получит головную боль во внешней политике? Столь же бесспорно: никто в мире, – из нормальных стран, – не станет даже разговаривать об указанных республиках, как о «независимых», торговать с ними, вести переговоры и заключать контракты. Ездить за границу жители этих территорий смогут лишь по российским паспортам, да и то – если получат визы.

могут и не получить: у них резонно потребуют оформлять визы через соответствующие посольства в Грузии – поскольку де-юре эти территории считаются частью Грузии. И те из граждан, кто так рвался к независимости, и думает сегодня, что обрел ее на штыках российских войск, должен очень четко понимать эту перспективу!

А еще Россия получила, как уже сказано, два камня у себя на шее. И в наибольшей степени это относится к режиму Кокойты, который нынешнее российское руководство сегодня просто вынуждено поддерживать, а потому – должно выполнять все его прихоти. Прекрасно понимая это, Кокойты будет просить (а точнее, требовать) все новых и новых денег, оружия, льгот, ресурсов, поставок, помощи – и при этом (как многократно повторялось с лидерами разных стран, «доивших» советский режим) будет бесконечно презирать тех, кто его кормит, и будут им верен только до той поры, пока будет все это получать. А если получать перестанет – начнет искать себе новых хозяев, не чувствуя ни малейших обязательств перед старыми...

«Это хуже, чем преступление – это ошибка», – сказал когда-то Наполеону Антуан Буле де ля Мерт, председатель Законодательной комиссии, разработавшей Гражданский кодекс, узнав о казни герцога Энгийенского.

Захват Южной Осетии и Абхазии, признание их «независимости» и последующее оформление их на российское довольствие – это тоже ошибка, которая хуже преступления.

Честнее было бы не морочить всему миру головы, а просто присоединить обе эти территории к России: юридически это мало отличалось бы от содеянного. И было бы последовательно: советскому режиму, наследницей которого видит себя путинская власть, было свойственно захватывать чужое, ибо агрессия была главным элементом его внешней политики.

Чья бы корова мычала...

«США, Украина и Израиль ответственны за геноцид осетинского народа, поскольку эти страны продолжают вооружать Грузию». С этим гневным заявлением в «эксклюзивном интервью телеканалу Russia Today» (если кто не знает – сей пропагандистский канал создан на деньги российских налогоплательщиков, чтобы рассказывать иностранцам, как хорошо и свободно живется в путинской России) рассказал гражданин Эдуард Кокойты, гордо называющий себя «президентом Южной Осетии». Дескать, «сегодня военный потенциал Грузии сильнее и выше, чем до августа 2008 года», и «Грузию вооружают очень сильно, постоянно проводят учения», в результате чего она «превратилась в одно из самых милитаризованных государств мира».

Вообще-то, все это по Фрейду – «грузинская агрессия», которая непрерывно мерещится бывшему массажисту сборной Грузии и бывшему российскому «авторитету» средней руки. О том, что могучая и коварная Грузия, до зубов вооружаемая стоящим за ней Западом, вот-вот нападет на маленькую и беззащитную Южную Осетию, он и его подручные твердят так часто, что поневоле задумаешься: не собираются ли его хозяева в Москве затеять на Кавказе еще одну провокацию, наподобие прошлогодней? Или кто-то верит, что на самом деле в августе 2008 года Грузия напала на Южную Осетию?

Кто продолжает верить – очень рекомендую прочесть опубликованный в конце июня – начале июля в «Новой газете» доклад

Илларионова «Как готовилась война». И узнать, что еще 2 августа власти Южной Осетии начали эвакуацию женщин и детей из окружающих Цхинвали сел, после чего к полуночи 7 августа из Южной Осетии в Россию были эвакуированы более 20 тысяч гражданских лиц: более 90% населения зоны будущих военных действий. Что 3 августа, на Северном Кавказе началась мобилизация «добровольцев» и казаков через призывные пункты в областных и районных военных комиссариатах. Что 4 августа штаб войск СКВО выдвинул части округа непосредственно к государственной границе России с Грузией. Что 5 августа 40 артиллерийских систем и разведывательный батальон 33-й отдельной горнострелковой бригады пересекли по Рокскому тоннелю российско-грузинскую границу и вошли в Южную Осетию, а 30 артиллерийских орудий были переброшены в Грузию через Кударский перевал. Что к вечеру 5 августа у северного портала Рокского тоннеля расположились 135-й и 693-й мотострелковые полки 19-й дивизии 58-й армии, 104-й и 234-й воздушно-десантные полки 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, 217-й воздушно-десантный полк 98-й воздушно-десантной дивизии и 31-я отдельная воздушно-десантная бригада – в их составе находились 11 693 военнослужащих, 891 единица бронетехники, 138 артиллерийских орудий. И что 6 августа югоосетинские войска открыли минометный огонь по селам грузинским селам Эредви, Приси, Авневи, Двани и Нули...

Так начиналась российско-грузинская война – одна из самых позорных страниц в истории постсоветской России. Можно сколько угодно говорить об ответственности Михаила Саакашвили за то, что грузинские военные поддались на эти провокации и решились на штурм Цхинвали. Но стократ больше ответственность за случившееся тех, кто сперва сделал все для недопущения мирного развития событий, науськивая цхинвальских марионеток на Грузию, и щедро их вооружая, а потом бросил в атаку заранее сосредоточенные у границы (а частично – уже перешедшие ее) российские военные части. И с тех пор продолжает поддерживать, содержать и вооружать г-на Кокойты, который при этом имеет наглость возмущаться тем, что США, Украина и Израиль поставляют оружие Грузии.

А с какой стати, собственно, они не имеют права это делать? Грузия – независимое государство, не имеющее в мире репутации террористического, напротив – имеющее в мире репутацию жертвы российской агрессии, имеет право вооружаться так, как хочет. Никаких международных санкций в отношении Грузии не введено, и любая страна вправе поставлять ей оружие.

Совсем другой вопрос, с точки зрения международного права – вооружение Южной Осетии, которая является грузинской территорией, оккупированной Россией: размещение там российских пограничников и военных баз, как и вооружение «армии Южной Осетии», вряд ли укладывается в международное законодательство. И уж кто бы говорил о «милитаризации»: сегодня численность вооруженных сил на 1 тыс. населения составляет в Южной Осетии 65,2, в Абхазии – 58,8, в России – 9,8,

в Грузии – только 6,7. А количество танков на 100 тыс. жителей составляет соответственно – 189,1, 35,3, 16,2 и 4,6. Что называется, «чья бы корова мычала».

Что касается рассуждений г-на Кокойты о «геноциде», то пора бы уже сменить надоевшую пластинку. Никто в мире – кроме, разве что, другой такой же российской марионетки, сидящей в Сухуми, – не считает и не будет считать действия грузинской армии в Южной Осетии «геноцидом». Который, – напомним соответствующую конвенцию ООН, – понимается, как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу».

Никаких попыток «уничтожить» южных осетин Грузия никогда не предпринимала – они существуют только в воспаленном воображении цхинвальского наместника. Зато действия Южной Осетии во время войны 2008 года очень многими расцениваются, как этнические чистки: тогда, напомним, все грузинское население было изгнано, грузинские села сожжены, и лично г-н Кокойты не стеснялся заявлять, что грузины в них «не вернутся никогда». Так что, если кого и ждет международный трибунал – так это вовсе не Михаила Саакашвили, а совсем наоборот...

Впрочем, появление бредовых обвинений, исходящих из Цхинвали, трудно не связать с последними событиями. Сперва МИД Белоруссии, – что стало полной неожиданностью для российского внешнеполитического ведомства, – предписал гражданам республики въезжать в Абхазию и Южную Осетию «исключительно с направлений, соответственно, Зугдидского и Горийского муниципалитетов», поскольку «проникновение в Абхазию и Южную Осетию со всех других направлений без специального разрешения грузинских властей запрещается и наказывается в соответствии с уголовным кодексом Грузии», потом с аналогичным заявлением выступили власти Азербайджана, потом вице-президент США Джо Байден еще раз подтвердил, что его страна не признает независимость оккупированных территорий Грузии... В такой обстановке, когда миф о грядущем международном признании рушится на глазах, а единственным источником существования остается российский бюджет, остается только пугать новым «грузинским нашествием», и закатывать истерики о «милитаризации» и «геноциде». Вот только кто поверит?

Российским гражданам стоит задуматься: с какой стати они должны оплачивать содержание цхинвальского режима, и одобрять оккупацию части страны, с народом которой их всегда связывали дружеские отношения?

Кавказский тупик

Через два года после войны с Грузией нелишне задуматься: чего же, собственно, добилась Россия, чье руководство не устает заявлять о безусловной правильности свершенного во время «пятидневной войны» и называет принятые в августе 2008-го решения «абсолютно оправданными и доказавшими свою эффективность»?

В чем проявилась эта «эффективность»? В увеличении российской безопасности? В укреплении российского авторитета в мире? В появлении для России экономических выгод? Нетрудно видеть, что нет ни того, ни другого, ни третьего. Российская безопасность в результате этой войны никак не могла увеличиться по той простой причине, что со стороны Грузии никакая опасность для России не могла грозить по определению. Бесчисленные грузинские полчища, вооруженные до зубов Америкой, и переваливающие через Главный Кавказский хребет, дабы поставить Россию на колени, не удастся изобразить даже в

плохом фантастическом романе. Коварного внешнего врага, для защиты от которого России жизненно необходимы военные базы в Абхазии (и особенно в Южной Осетии) на горизонте нет, и не предвидится. Ну не Украина же с Турцией, и не Румыния с Болгарией могут покушаться на Кубань и сочинские пляжи?

С укреплением авторитета в мире дела обстоят еще хуже. Несмотря на хвастливые заявления цхинвальского и абхазского наместников о том, что множество стран вот-вот признают их «независимые» государства, на данный момент в списке признающих России компанию составляют только Никарагуа, Венесуэла и великое государство Науру. И все они перед этим получили российские кредиты. Никарагуа – в 1 млрд. долларов, Венесуэла – в 2.2 млрд. долларов, а карликовая республика Науру – 50 млн. долларов (на 14 тысяч человек населения, то есть – по 3500 долларов на человека). Кроме этого, Абхазию с Южной Осетией признали ХАМАС, Приднестровье и Турецкая республика Северного Кипра...

Не очень впечатляющий список – и немного шансов, что он сильно расширится. По крайней мере, за счет влиятельных и уважаемых в мире стран, которые неизменно заявляют о поддержке территориальной целостности Грузии в границах, которые признаны мировым сообществом, и об отказе признавать «независимость» Абхазии и Южной Осетии. Да и какая у них, если вдуматься, может быть независимость?

Территория, которая практически полностью содержится за счет бюджета чужой страны (о чем ниже), которая не признается в мире в качестве суверенной (за редчайшими исключениями) никем, кроме этой страны, население которой почти поголовно имеет паспорта этой страны, руководство которой, большей частью, прислано из этой страны, границы которой охраняются пограничниками этой страны, и на которой находятся военнослужащие и военные базы этой страны, – это не независимое государство. Это зона оккупации. Или де-факто аннексированная территория, ставшая таковой в результате агрессии. И агрессором – в соответствии с международным правом, – здесь является вовсе не Грузия.

Чтобы в этом убедиться, надо смотреть не российские федеральные телеканалы, привычно транслирующие отработанные пропагандистские штампы об «агрессоре Саакашвили», а резолюции ООН. Потому что еще 14 декабря 1974 года Генеральная Ассамблея дала определение агрессии. В ее резолюции как агрессия рассматривается любой из при-

знаков: «вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения», «бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства», «блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства», и так далее.

А теперь – вопрос: чьи вооруженные силы 8 августа 2008 года вторглись на международно признанную территорию другого государства? Грузинские – на российскую территорию, или российские – на грузинскую? Грузия бомбардировала российскую территорию, или Россия – грузинскую? Грузия блокировала российские порты и берега, или Россия – грузинские? Можно как угодно относиться к Михаилу Саакашвили, но факты – налицо. И кому-кому, но только не российскому руководству, деяния которого в Чечне общеизвестны, упрекать грузинское руководство за применение силы в Цхинвали...

Что же касается экономической выгоды от «пятидневной войны» – ситуация просто катастрофична.

Как уже сказано, Южная Осетия (на 98% по оценкам ее собственного руководства, и на 100% реально) и Абхазия (примерно на 60–70%) содержатся за счет российского бюджета. Только что первый вице-премьер Игорь Шувалов радостно сообщил, что Россия направила в бюджет Южной Осетии в общей сложности около 28 миллиардов рублей. А премьер Владимир Путин сообщил о планах России выделить Абхазии и Южной Осетии в 2011 году около 10 миллиардов рублей на осуществление совместных проектов, из них 6,8 миллиарда рублей – для Южной Осетии.

Заметим: по словам Шувалова, «за прошедшие два года в республике восстановлено всё, что предполагали» – но почему-то самые разные источники сообщают, что множество жителей Цхинвали и окрестных сел живут в палатках или у родственников. При этом если поделить 28 миллиардов рублей, потраченные в Южной Осетии, на ее оставшееся 15–20-тысячное население, получится как минимум, по 1.5 миллиона рублей на человека: на эти деньги каждому из них легко можно было бы купить новую квартиру в соседнем Владикавказе. А ведь без жилья остались далеко не все: даже по данным осетинского руководства, речь идет лишь о 3.5 тысячах семей. А денег нет.

Почему? Ответ, думается, ясен любому читателю. При этом марионеточный «президент» Эдуард Кокойты подтверждает срыв восстановительных работ в Южной Осетии, но обвиняет в этом некие «прогрузинские силы в Москве». Мол, они специально присылают в Цхинвали специалистов, которые внедряют коррупционные схемы (!). Что называется – хохот меня душит: во-первых, «прогрузинские силы в Москве» сами по себе являются сегодня ненаучной фантастикой, а во-вторых – коррупционные схемы давным-давно распространены по всей России и без них...

Все то же самое мы уже видели при «восстановлении Чечни», которая была такой же «черной дырой» для российского бюджета, как Южная Осетия. И что – нам было мало одной «черной дыры» и нам надо получить вторую? В нашем бюджете скопились лишние деньги, которые некуда девать? У нас нет проблем с пенсиями, зарплатами, лекарствами и социальной помощью?

Подведем итог: выгод от «пятидневной войны» Россия не получила никаких – одни убытки, зайдя в очередной «кавказский тупик».

Конечно, можно предположить, что эта война была затеяна из чистого альтруизма (по официальной пропагандистской версии – для «защиты мирного населения Южной Осетии», почти сплошь имеющего российское гражданство). Но поверить в эту версию мешает не только то, что 90% этого «мирного населения» было эвакуировано из зоны будущих военных действий в Россию еще до начала конфликта, и не только то, что часть российских войск вошла на территорию Южной Осетии еще утром 5 августа 2008 года, а остальные расположились у Рокского тоннеля к вечеру того же дня.

Поверить мешает то обстоятельство, что российское руководство многократно демонстрировало полнейшее пренебрежение (чтобы не сказать больше) к интересам российских граждан, находящихся на российской территории – и не только в Чечне. И нет ни малейших оснований полагать, что в этом случае оно могло вести себя как-то иначе...

Тогда – зачем? Для свержения режима ненавистного Саакашвили? Для усиления мобилизационной риторики и еще большего «закручивания гаек»? Или просто Кремль, опьяненный сверхдоходами (август 2008-го – самый пик нефтяных цен!) решил, что теперь можно позволить себе все, а Запад будет проводить «мюнхенскую линию», не решаясь на жесткую позицию в отношении России, поставляющей ему энергоносители?

Пока правит путинский режим, мы вряд ли получим ответы на эти вопросы. Но их обязательно зададут – и обязательно получают на них ответы, – те, кто неизбежно придет ему на смену. Как всегда бывало в истории, где все тайное обязательно становится явным.

Послесловие

Практически ничего не изменилось за прошедшие годы – разве что, персоналии в руководстве марионеточных псевдогосударств. И по сей день Россия содержит их за свой счет (Абхазию – поменьше, Южную Осетию – побольше), но формально к себе не присоединяет. Что, впрочем, никого не должно обманывать.

III Антифашизм на экспорт

Статьи этого раздела – о том, как российские власти «не замечают» растущего в стране фашизма, а некоторые правозащитники требуют позволить фашистам безнаказанно разжигать вражду и ненависть. А еще в этом разделе – о том, как Кремль шаг за шагом отходит от принципов светского государства.

Борьба людей с людоедами

Россия сделала вид, что не заметила антисемитских откровений иранского лидера

20 апреля, – в день рождения Гитлера и за сутки до Дня памяти жертв Холокоста, – иранский президент Ахмадинежад выступал в Женеве на конференции ООН по борьбе с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией и связанной с ними нетерпимостью.

Хорошо известно, что г-н президент в полной мере олицетворяет все то, с чем собирались бороться на конференции: последовательно призывает стереть Израиль с лица земли, заявляет, что евреи «должны знать, что доживают последние дни своей жизни», и отрицает Холокост, презрительно называя его «сказкой» и «выдумкой сионистов»...

Именно по этой причине США, Германия, Канада, Австралия, Нидерланды, Италия отказались участвовать в конференции, а представители Великобритании, Франции, Чехии и других стран Евросоюза покинули зал после антисемитской речи Ахмадинежада. И только Россия сделала вид, что не заметила откровений иранского лидера.

Участвовавший в конференции заместитель министра иностранных дел Александр Яковенко перед ее началом заявил, что «сегодня в мире все еще не изжиты проявления расизма, ксенофобии и нетерпимости», а выступая на закрытии конференции – ни словом ни обмолвился о речи Ахмадинежада и последовавшем скандале. Зато уверил собравшихся в том, что «имеющиеся в России механизмы борьбы с этнической нетерпимостью и ксенофобией достаточно эффективны»...

Но ужасающая статистика нацистских нападений в России опровергает это бодрое заверение дипломата. Зато «на экспорт»

нас – непримиримая борьба с нацизмом: в Госдуму собираются внести законопроект об уголовной ответственности за «заявления или действия, направленные на реабилитацию и пропаганду нацизма», – с угрозой преследования не только российских, но и иностранных граждан: тем, кто будут в этом уличены, запретят посещать Россию, а если они все-таки проникнут на нашу территорию – окажутся за решеткой. Ну так, может быть, начать с Ахмадинежада и его друзей – лидеров «ХАМАС», который в России упорно не признают террористической организацией?

Между тем, все они для Кремля – достойные и уважаемые партнеры для переговоров, с ними можно сидеть за одним столом, участвовать в одних мероприятиях, и приглашать их с официальными визитами в Москву. К их позиции, по мнению российских властей, надо относиться с пониманием, проявлять политкорректность, защищать их от международных санкций и искать компромиссы.

Все это, увы, имеет давние исторические корни – и не только потому, что советские (а затем и российские) власти традиционно выбирали себе в друзья и союзники наиболее отъявленных международных мерзавцев.

В российских учебниках истории (как, впрочем, и в советских), вспоминая Мюнхенский сговор, старательно умалчивают, что пока фашистская Германия не напала на СССР – Кремль пребывал с Гитлером в прекрасных отношениях. И даже если упоминают «пакт Молотова-Риббентропа», то, конечно же, не цитируют выступление Вячеслава Молотова 31 октября 1939 года (через месяц после начала Второй мировой войны) на заседании Верховного совета СССР. А сказано в нем было, что «правлящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма», и что «не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию».

Чем все это закончилось – очень хорошо известно. И после этого, казалось бы, следовало понять раз и навсегда: с фашизмом не может быть никакого диалога, попыток взаимопонимания и политкорректности.

Борьба с фашизмом – это не борьба идеологий, не борьба правых и левых, социал-демократов и консерваторов, либералов и государственников, где у каждого есть свои аргументы,

рые следует уважать, и своя правота, которую можно и нужно отстаивать.

Это – борьба людей с людоедами. Вести ее надо до полной победы людей.

И никаких компромиссов.

Не мытьем, так катаньем?

Решение президента Дмитрия Медведева о поддержке в «экспериментальном» порядке преподавания в школах России основ религиозной культуры, истории религии и светской этики духовенство (особенно, православное) расценило, как свою победу, а светские эксперты – как допустимый шаг, поскольку за родителями остается выбор курса (преподавание основ одной из «традиционных религий», либо курса всех мировых религий, либо светской этики), а преподавать будут светские педагоги.

Оптимизм первых понятен и оправдан: не мытьем, так катаньем они добились обязательного преподавания религиозных предметов в светском (в соответствии с 14-й статьей Конституции) государстве.

Спокойствие вторых, как представляется, не имеет под собой никаких оснований.

Начнем с самого простого. «Эксперимент» предлагается начать уже с весны 2010 года, при этом, как сообщает Минобрнауки, «в ходе эксперимента предлагается подготовить и напечатать необходимые учебники и учебные пособия, сформировать коллективы тех, кто будет готовить учителей по этим предметам». Но позвольте, о каком бы предмете не шла речь – все должно быть с точностью до наоборот! Сперва должна быть подготовлена программа, написаны, обнародованы и оценены независимыми экспертами учебные пособия, – и лишь потом можно начинать «экспериментальные» уроки. А нам предлагают «обкатку» учебников в ходе «эксперимента» – что допустимо, когда речь идет об авторских, индивидуальных курсах,

недопустимо, когда речь идет об обязательных уроках. Это во-первых.

В-вторых, президент говорит о «традиционных» религиях. Однако, ни один закон такого понятия не содержит. Более того, в светском и в правовом государстве в принципе не может существовать разделения на «традиционные» и «нетрадиционные» религии. В России встречаются пантеисты и язычники, даосисты и конфуцианцы (не говоря уже о приверженцах саентологии) – как быть с ними? Будет ли реализовано их право на то, чтобы их детям преподавали историю и культуру «их» религии?

Но если даже оставаться в рамках четырех «традиционных религий» (христианство, ислам, иудаизм, буддизм), то, скажем, не все православные придерживаются «версии РПЦ» – есть, например, старообрядцы: что делать их родителям? А как быть католикам, лютеранам, баптистам? Иудаизм тоже не представляет собой единого течения...

Да, нам говорят о «добровольности» и «альтернативности». Но это в теории. А на практике еще можно поверить, что в Москве или в Петербурге сумеют найти необходимое количество преподавателей, чтобы обеспечить все возможное многообразие выбора вариантов обучения. Но трудно поверить, что в провинции (в малых городах или селах) реально смогут организовать несколько групп в школах, в зависимости от выбора родителей. Куда более вероятно, что всех постараются подстричь под одну «гребенку», заявив родителям, что учителей мало, и потому «берите, что есть». Скажем, предложат выбирать лишь между православием и светской этикой. Между тем, речь идет не о факультативном, а об обязательном предмете.

В-третьих, «эксперимент» предлагается начать в четвертом классе (последняя четверть) и завершить в пятом классе (первая четверть). Мол, «учащимся в возрасте 10–11 лет в большей мере присущи такие социально-психологические характеристики, как бесконфликтность, мягкость, доброта, сопереживание, что созвучно содержанию указанных учебных курсов». Что же, преподавать детям в этом возрасте историю религии можно – вот только надеяться на осознанное восприятие предмета нельзя.

Ну не могут четвероклассники и даже пятиклассники понять в такие годы историю вообще, а историю религии – тем более. Зазубрить – да, наверное, смогут. Но не больше. В этом возрасте ребенок, как уверен, например, учитель с 30-летним стажем и депутат Мосгордумы Евгений Бунимович, не знает ни слова «этика», ни слова «религия», ни слова «светский» – и не должен их знать! Этот курс нам представляют как «духовно-нравственное воспитание», то есть – будут говорить о нравственности – но представление о ней в этом возрасте сформировать невозможно. Задумываться на «нравственные» темы подростки начинают, хорошо если, лет в 12–13, а многие и позже.

Значит, это будет не обучение, а программирование. Которое, скорее всего (нет сомнения: именно на это и рассчитывают в РПЦ, которая много лет добивается обучения православию в школе под маскирующими названиями) приведет к возникновению у детей убеждения, что только та религия, которой их учат, и есть истинная. Правда, возможен и обратный эффект – как это происходило с «законом божьим», который, как известно, был самым ненавистным предметом в школах Российской империи: его преподавание вырабатывало отторжение к православию...

Весьма сомнителен, заметим, и упомянутый выше тезис (традиционно навязываемый представителями РПЦ, а теперь излагаемый уже от имени Минобрнауки) о «духовно-нравственном» воспитании, которое достигается путем изучения религиозной культуры. Покойный патриарх Алексей Второй выражался предельно ясно (тогда, заметим, РПЦ яростно сопротивлялась курсу истории мировых религий): «школьный предмет по истории мировых религий не способен стать адекватной заменой «Основам православной культуры», поскольку история религий не даст нравственного стержня человеку».

Но разве атеисты не могут быть высоконравственными людьми (не говоря уже о том, что в мире было множество мерзавцев, которые называли себя верующими в того или иного

бога)? Разве только религиозное воспитание может дать «нравственный стержень» (лично мне его давали папа с мамой)?

И вообще, кому интересно – найдите в Интернете и прочтите книгу Бертрانا Рассела «Почему я не христианин». Если, конечно, ее еще можно цитировать, не рискуя попасть в какие-нибудь «экстремистские» списки, ведь говорить в сегодняшней России о свободе атеистической пропаганды, – в отличие от религиозной, – не приходится.

Не верите? Попробуйте предложить телевидению атеистическую программу, где будет, например, проводиться простая мысль: христианство (как и другие религии) надлежит рассматривать точно так же, как древнегреческую мифологию. То есть, как сказки. В Христа, Аллаха и Ягве верит огромное число людей? Ну так в Древней Греции в существование Зевса, Посейдона, Аида, Афины, Аполлона и других верили все поголовно, считая их реально существующими. Однако, в современной Греции думают иначе... Наконец, пятое и самое существенное. Еще когда начинались споры о введении «Основ православной культуры», и эксперты обсуждали соответствующий учебник, написанный Аллой Бородиной (и отмечали, в частности, что он «содержит некорректные высказывания, способствующие разжиганию религиозной и национальной розни», «представляет собой не учебное пособие по основам православной культуры, а конфессиональную апологию православия», и что «рассуждения о еврейском народе не имеют ничего общего с исторической действительностью и носят откровенно антисемитский характер»), хотелось задать простой вопрос: кто вообще сказал, что существует такое понятие «православная культура»?

Есть русская культура, есть греческая, есть болгарская, сербская, грузинская, украинская, белорусская – но это совсем другое. Точно есть французская, итальянская, польская, испанская, португальская (и так далее) культуры, но нет «католической». И нет «протестантской» или «лютеранской» культуры, а есть немецкая, датская, финская, шведская. И «иудейской» культуры нет, а есть еврейская культура. И «мусульманской» культуры нет, а есть арабская, турецкая, чеченская, азербайджанская и так далее...

Да, когда-то национальные культуры имели исключительно религиозное содержание. Но эти времена остались в далеком прошлом. Есть религиозные традиции – которые могут быть названы «православными» или «католическими», «иудейскими» или «мусульманскими», – но они вовсе не тождественны той или иной национальной культуре.

Культура (сошлюсь на заслуженного деятеля науки РФ, профессора Григория Тульчинского) – это «механизм порождения, хранения и трансляции социального опыта», она связана в первую очередь, с этническими моментами, и говорить, например, о «православной культуре», по его мнению – значит, серьезно недопонимать суть дела...

Ну и чему будут пытаться учить наших детей? И надо ли это делать – уступая (хотя и смягченному, на фоне прежних требований об обязательности преподавания ОПК) давлению клерикалов?

Кстати, как насчет федерального закона «О свободе совести

о религиозных объединениях», где закреплено, что государство «обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учрежде-

ниях», а обучение религии допускается исключительно по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, и вне образовательной программы?

Может быть, юрист Дмитрий Медведев не в курсе существования этого закона, когда говорит об «эксперименте», который в этот закон решительно не укладывается? Изменить закон, конечно, при нынешней Госдуме – раз плюнуть, но ведь и этим пока не озаботились. Или считается, что воля президента заведомо выше закона?

Палачи и попутчики

Петербурге оглашен приговор Константину Душенову. Главный редактор газеты «Русь православная» проведет следующие три года в колонии-поселении за то, что опубликовал статью «Россия с ножом в спине. Еврейский фашизм. Геноцид русского народа», сценарий фильма с тем же названием и распространил эти произведения.

По заключению экспертов, «труды» Душенова разжигают вражду и ненависть к евреям и приверженцам иудаизма и унижают их человеческое достоинство. Русские в них представлены жертвами еврейской агрессии, а евреи – преступниками, «стремящимися путем заговора физически уничтожить или обратить в рабство другие народы (в основном русских)». Душенов заявлял об «антихристианской и человеконенавистнической сути иудейской религии» и называл евреев «антирусская сволочь» и «жадная, бессовестная пучеглазая и горбоносая группа негодяев».

Казалось бы, приговор справедлив. Но одни правозащитники его одобряют, а другие продолжают заявлять, что примененная Душенову статья 282 УК должна быть отменена. Во-первых, никого нельзя преследовать за высказывание убеждений, какими бы они ни были, и на слово нужно отвечать только словом, а не государственным насилием (вот убийство или избиение – другое дело, но для этого есть другие статьи УК). И отношение к антисемитам – «дело личной брезгливости каждого человека, а не Уголовного кодекса». Во-вторых, статья 282 все чаще и чаще применяется для преследования оппозиционеров, превратившись в политическую «дубину». Да, применяется: можно вспомнить дела Станислава Дмитриевского, Андрея Пионтковского, Юрия Самодурова, Дмитрия Соловьева, Михаила Деева и многих других. Но менять надо не теорию, а практику: чтобы чиновники, милиционеры или чекисты не могли рассматриваться как «социальная группа», а их критика – как разжигание «социальной розни».

Призыв же отменить статью 282, чтобы ею не «злоупотребляли», – это призыв к запрету продавать в хозяйственных магазинах топоры, а в книжных – «Преступление и наказание». Следуя этой логике, надо отменить весь УК, ведь почти каждую его статью можно использовать в качестве «дубины». Собственно, и сегодня оппозиционеров преследуют по разным статьям: за «хулиганство», за «вандализм», за «организацию массовых беспорядков». Точно так же в советские времена многих диссидентов судили не по «политическим» статьям, а по уголовным – за кражи, хулиганство, тунеядство.

Так что отмена статьи 282 не облегчит жизнь оппозиционерам. А вот борьбу с фашизмом серьезно затруднит.

Конечно, для привлечения к ответственности убийц или насильников, исповедующих фашистские идеи, эта статья не нужна. Но что делать с теми, кто никого не убивает – но сеет зубы дракона, из которых неизбежно вырастают те, кто реализует эти идеи на практике?

Среди подсудимых в Нюрнберге был Юлиус Штрайхер – главный редактор газеты «Штурмовик», много лет проповедовавший зоологическую ненависть к евреям. Именно за это ему и был вынесен смертный приговор. Но по логике, которой придерживаются противники статьи 282, Штрайхеру ничего бы не грозило – ведь он лично никого не убивал и не отправлял в газовые камеры. И Душенов никого не убил и не насиловал – он писал то, что думал, считая себя «подлинным православным», которого судят за убеждения в том, что «иудеи являются врагами Господа нашего Иисуса Христа» и «виноваты во всех бедах русского народа».

Безусловное право на высказывание своих убеждений есть у каждого. Но должно ли общество позволять фашисту безнаказанно пропагандировать свои убеждения? Следует ли бороться против слов Душенова исключительно словом, вежливо разъясняя ему, что евреи вовсе не стремятся уничтожить русский народ? Или правильнее не вступать с фашистом в дискуссию, признавая его право на иную точку зрения, а разговаривать с ним на единственном языке, который он понимает, – на языке закона, карающего за пропаганду фашистских идей? Как это принято в международных пактах, объявляющих «караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти».

Эти нормы написаны не теоретиками. Они явились следствием трагической практики. И отношение к фашизму – это именно вопрос Уголовного кодекса. Потому что за времена, когда общество ограничивалось лишь «брезгливостью» к фашизму, оно слишком дорого заплатило.

Постсоветское государство

В роли самых ярых «защитников православия» оказались махровые националисты

В процессе по делу выставки «Запретное искусство» примечательно не только то, что приговор не имеет отношения к закону, или то, что мало кто из якобы оскорбленных верующих посетил выставку. Любопытно, что инициировала дело и выступила в качестве представителей «оскорбленных» организация «Народный собор», возглавляемая Олегом Кассиным. Биография и взгляды этого человека служат неплохой иллюстрацией к той самой статье Уголовного кодекса, которую он требовал вменить Юрию Самодурову и Андрею Ерофееву.

В 1990-е Олег Кассин был заместителем Александра Баркашова в «Русском национальном единстве» и координатором московского отделения этой организации, а в 1999 году баллотировался в Госдуму от созданного Баркашовым националистического движения «Спас» (список сняли с регистрации). После из РНЕ Кассина исключили за попытку создать «РНЕ без Баркашова». Что касается «Народного собора», то в его заявлениях содержатся характерные пассажи о «дурно пахнущей правозащитно-грантоедской братии» и требования «внесения традиционных национальных ценностей в Конституцию в качестве официальной государственной идеологии», сопряженные с обещаниями «отбросить» и «убрать с дороги» всех, кто будет мешать.

Сегодня требование изъять и уничтожить часть картин, показанных на выставке «Запретное искусство», как «орудие преступления» сочетается у Кассина с защитой редактора газеты «Русь православная» Константина Душенова, в феврале 2010 года осужденного за фашистские «труды» (за него заступался «Народный собор»). При этом и Кассин, и Душенов числились в националистическом «Союзе русского народа» (Душенов возглавлял северо-западное отделение), а на процессе по делу Душенова в Петербурге можно было наблюдать практически такие же сцены, как на процессе по делу Самодурова и Ерофеева. Зал заседаний заполняли люди с крестами и иконами, именовавшие свидетелей обвинения, правозащитников и экспертов «жидами» и «богохульниками», а вокруг здания суда устраивались крестные ходы. Несколько лет назад ровно то же самое происходило на процессе Юрия Беляева, осужденного, как и Душенов, за разжигание межнациональной розни. Вот только в Петербурге «защитники православия» требовали оправдать фашистов, а в Москве они в той же манере требовали осудить организаторов выставки.

Сходство далеко не случайно. Все большую и большую активность в России начинают проявлять те, кто, громко заявляя о своей приверженности к православию, ведет себя агрессивно по отношению к приверженцам других религий, не говоря об атеистах. Они не видят ничего плохого в оскорблении «инородцев», требуют изгнать из России «черных» и кликушествуют о «жидовском засилье». Они пользуются заметной поддержкой со стороны государства, которое на глазах клерикализируется, попирая конституционные принципы светского государства и свободы совести.

Взаимная симпатия государства и церкви на первый взгляд парадоксальна, если вспомнить, что для нынешней российской власти характерно уважение к советскому прошлому с его воинствующим атеизмом. Но это только на первый взгляд: путинскую власть и РПЦ многое объединяет. Это ненависть к свободе – церковь постоянно заявляет о непризнании либеральных ценностей и о том, что концепция прав и свобод человека противоречит «православной традиции». Это неприятие демократии (какие выборы, если власть – от Бога?). Это убеждение в том, что интересы государства важнее, чем интересы личности. И это нетерпимость к критике и инакомыслию: в лучшем случае они расцениваются как заблуждение, а чаще всего – как враждебная деятельность, подлежащая наказанию...

Задумаемся: чем сегодня озабочена РПЦ? Социальной несправедливостью и массовой бедностью? Вопиющим бесправием граждан перед чиновниками? Смертью детей, родители которых при формально бесплатном здравоохранении не могут найти деньги на их лечение? Безднаказанностью VIP-убийц с мигалками, летящих по встречной полосе? То есть тем, чем озабочено подавляющее большинство граждан России (большинство которых, как уверяет РПЦ, определяет себя как православные)? Вовсе нет. Кто помнит, чтобы иерархи церкви поднимали свой голос против этого? РПЦ озабочена совсем другим: получением все нового и нового имущества (в том числе путем изгнания вузов из занимаемых ими зданий и разорения государственных музеев), льготами для своей предпринимательской деятельности, внедрением Закона Божиего под видом «основ православной культуры», запретом не нравящихся ей фильмов и наказанием организаторов не нравящихся ей выставок, вторжением во все новые и новые сферы жизни общества, что немыслимо в светском государстве.

Нынешняя РПЦ – вернейший союзник российской самодержавной власти. Что, как представляется, превращает борьбу против клерикализации страны в одну из важнейших задач российских демократических организа-

ций. Жаль, что лишь немногие из них решаются открыто об этом заявлять.

Его борьба

Прокурор Москвы Юрий Семин отказался признать экстремистской литературой «Протоколы сионских мудрецов»

Этот документ более столетия используется в мире для разжигания вражды к евреям – начиная с 1905 года, когда черносотенцы из «Союза русского народа» с его помощью оправдывали погромы.

20-е годы прошлого века «протоколы» использовал в своих антисемитских статьях Генри Форд. На них опирался Гитлер и европейские нацисты в 30-е годы. Их активно применяют для антисемитской пропаганды нынешние российские неонацисты и многие лидеры мусульманских стран – как, например, иранский президент Махмуд Ахмадинежад. Однако московская прокуратура не считает их антисемитской литературой – о чем она и сообщила представителю движения «За права человека» Евгению Ихлову, который добивался запрета на распространение этой «библии антисемитизма».

«Протоколы», представленные публике как стенограмма Базельского сионистского конгресса 1897 года, излагающие якобы существующие у евреев планы завоевания мирового господства, впервые увидели свет в сокращенном виде в 1903 году в петербургской газете «Знамя», известной своими антисемитскими публикациями. Читателям сообщалось, что они вывезены из Франции, где их добыли из некоего архива еврейской организации.

1905 году Сергей Нилус опубликовал полный текст, содержащий 24 протокола, в своей книге «Великое в малом» – и уже тогда появились первые сомнения в их подлинности.

По словам известного петербургского эксперта, доктора исторических наук Ирины Левинской, существует огромное количество научных работ, подтверждающих, что «протоколы» – фальшивка. По последним данным российских историков, они были сфабрикованы в Париже в 1896—1900 годах – их составил платный агент русской охраны Головинский по поручению руководителя заграничной агентуры полковника Рачковского.

1920 году английская «Таймс» сообщила, что «протоколы» – это плагиат памфлета французского адвоката и сатирика Мориса Жоли «Диалоги в аду», написанного в середине XIX века и направленного против Наполеона III. Корреспондент «Таймс» Филипп Грейвс выяснил, что огромные куски «протоколов» просто списаны с «Диалогов» – и потому они никак не могут относиться к сионистскому конгрессу. А в 1933–1935 годах в судебном процессе в Берне была окончательно доказана поддельность «протоколов».

Тогда еврейская община города подала жалобу на фашистов, которые распространяли «протоколы», – и суд пришел к выводу, что «протоколы» являются «непристойным и поддельным документом», «содержат неслыханные, ничем не оправданные выпады против евреев» и «распространение сочинений такого рода должно быть из государственных соображений запрещено». Потом аналогичные решения выносились и судами других стран

– например, в 1973 году в Париже перед судом предстал редактор бюллетеня, издаваемого Советским информационным бюро в Париже, за публикацию статьи, воспроизводящей куски из «протоколов».

Несмотря на все это, «протоколы» второе столетие путешествуют по миру – и, бесспорно, наиболее зловещую роль они сыграли в гитлеровской Германии. Еженедельник «Дер Штюрмер», выходявший тиражом 500 тысяч экземпляров, постоянно печатал выдержки из «Протоколов», добавляя к ним истории о якобы имевших место ритуальных убийствах немецких детей евреями – при этом газета вывешивалась на стендах в городах и деревнях по всей стране (впоследствии ее главный редактор Юлиус Штрайхер был повешен по приговору Нюрнбергского трибунала).

В современном же мире они наиболее популярны в Палестинской автономии, где включены в школьную программу для «идеологического обоснования» терактов против еврейского государства.

Сомневаться в той роли, которую играли и играют «протоколы», трудно – и уже не в первый раз ставится вопрос об их включении в список экстремистской литературы. Но безуспешно.

2007 году прокуратура Северного округа Москвы обратилась в суд, указав, что «протоколы», изданные фирмой «Витязь» в 2001—2004 годах, согласно экспертному заключению Совета по независимым экспертным исследованиям Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, содержат «социально-психологические признаки возбуждения ненависти либо вражды».

Однако в суд было представлено другое экспертное заключение – подготовленное Институтом психологии РАН, где сообщалось, что «протоколы» имеют всего лишь «критическую историко-просветительскую и политико-просветительскую направленность», а «информация, побуждающая к действиям против других национальностей, социальных и религиозных групп или отдельных лиц, как ее представителей, в книге отсутствует». После чего суд дело прекратил.

С тех пор именно на заключение Института психологии РАН ссылаются представители прокуратуры, отказывая в признании «протоколов» экстремистскими – и напрочь игнорируя другие экспертные мнения. Такие ответы, кроме движения «За права человека», приходили и члену Общественной палаты Алле Гербер. А Роспотребнадзор (куда также жаловался Ихлов) не усматривает обмана потребителей в том, что давно признанное в мире фальшивкой сочинение продается без указания, что оно является продуктом фальсификации. И читатели вполне могут полагать, что перед ними – подлинные планы «мирового еврейского заговора»...

По словам Евгения Ихлова, он обжаловал ответ Юрия Семина генеральному прокурору РФ Юрию Чайке – прося провести дополнительную проверку. А тем временем в федеральном списке экстремистских материалов, включающем сейчас более 800 названий, можно найти даже книги основателя дианетики Рона Хаббарда. И в текстах, разжигающих ненависть к сексуальным меньшинствам, правоохранительные органы не находят экстремизма. И в призывах «Убей хача!» некоторые эксперты не видят никакого разжигания наци-

ональной вражды. И активистов «Антифа» (как, например, Алексея Олесинова) регулярно обвиняют в «разжигании ненависти» к фашистам и «противостоянии их идеологии».

Что же, в таком случае в истории с «протоколами» все логично: если фашисты являются защищаемой социальной группой с охраняемой законом идеологией, антисемитизм и не должен быть наказуемым деянием.

За фашистским словом всегда следует дело

По недавнему опросу ВЦИОМ, каждый десятый россиянин готов принять участие в акции протеста, подобной той, которая 11 декабря переросла в погромы на Манежной площади в Москве. 18% респондентов одобряют действия футбольных фанатов, устроивших погром (в Москве и Петербурге участникам акции сочувствуют 37% опрошенных).

Другой опрос – центра Юрия Левады, – таков: 75% опрошенных считают, что случившееся связано с безнаказанностью нарушителей порядка, имеющих связи и деньги. 67% считают, что причины – в «вызывающем и агрессивном поведении самих приезжих». В Москве 31% опрошенных заявили, что испытывают к приезжим из южных республик раздражение, 27% – неприязнь...

Страшные цифры – показывающие решительное неблагополучие в государстве. И не только в сфере межнациональных отношений.

Как известно, после убийства 6 декабря на Кронштадском бульваре фаната «Спартака» Егора Свиридова, в котором подозревается дагестанец Аслан Черкесов, из милиции отпустили четырех его земляков – возможных соучастников. На следующий день около тысячи футбольных фанатов вышли на акцию протеста и на 30 минут перекрыли Ленинградский проспект. 11 декабря беспорядки вспыхнули на Манежной площади, где несколько тысяч фанатов скандировали «Россия для русских», избивая всех встреченных «лиц кавказской национальности» – при этом среди погромщиков были весьма активны лидеры радикальных националистов.

Описанный случай – не первый в этом году: летом в Москве в драке с приезжими из Чечни был убит другой спартаковский фанат – Юрий Волков. Его предполагаемые убийцы ждут суда – однако, двое из трех участников нападения были отпущены под подписку о невыезде, и лишь потом задержаны (что очень похоже на ситуацию со Свиридовым). После чего в Москве

прошли акции протеста – правда, не такие массовые, как в декабре, и в меньшей степени «окрашенные» в националистические тона.

Реакция властей на события на Манежной площади оказалась легко предсказуемой. Общие слова о необходимости «жить дружно» в многонациональной стране быстро сменились заявлениями о возможном ужесточении правил регистрации в крупных городах, и усилении ответственности за проведение несанкционированных публичных акций.

Что касается реакции общества, то оно разделилось на две части.

Одна, – явно меньшая, – забила тревогу, считая происшедшее очевидной демонстрацией роста фашистской угрозы в современной России. А другая, большая часть, начала оправдывать тех, кто вышел на Манежную, уверяя, что «кавказцы ведут себя вызывающе» и «не хотят жить по нашим обычаям».

И вот уже протоиерей Андрей Кураев заявляет, что нельзя считать «фашистами» тех, кто вышел на Манежную, потому что у них «был более чем серьезный повод для декларации своего протеста». И, заявляя о «несовместимости» русской и кавказской культур, успокаивает общественность: дескать, протестанты «на Манежной никаких дел не наделали, разве что елку опрокинули». Заметим: погромщики, «декларируя свой протест», избивали «кавказцев», и фотографировались на фоне избитых, вскидывая руки в нацистском приветствии – неужели в этом Кураев видит лишь мелкие шалости?

Ему вторит «вождь нацболов» Эдуард Лимонов, требующий не применять термин «погромы» к событиям на Манежной площади, и зовущий «манежных» активистов на свою акцию 31 декабря в защиту свободы собраний. После чего глава Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева отказывается участвовать с Лимоновым в одном мероприятии, поскольку он зовет туда погромщиков, и организывает собственную акцию.

Наконец, из лагеря, считающегося либеральным, вместо решительного осуждения погромщиков звучат совсем иные слова! Один из сопредседателей создающейся «партии народной свободы» Владимир Милов призывает противопоставить фашизму «либерал-национализм», и заявляет: «никогда националистические лозунги не были бы столь популярными, не будь

ними реальной проблемы». Правда, в свое время в Германии большинство, поддержавшее фашистские лозунги, считало «реальной проблемой» наличие евреев, которые якобы во всем виноваты – после чего нацисты стали решать эту «проблему» при помощи газовых камер и лагерей смерти...

Да, многие аспекты поведения приезжих, – и не только с Северного Кавказа, – кажутся многим из давних обитателей Москвы, Петербурга и других городов, мягко говоря, неприятными. Да, многие сыны «маленьких, но гордых республик» не всегда отличаются уважением к окружающим, но любят демонстрировать свою «крутизну» и атрибуты «красивой жизни».

Но, во-первых, они не «мигранты», а российские граждане, имеющие право – по Конституции, – свободно выбрать себе место жительства.

А во-вторых, разве только они так себя ведут?

Разве вполне себе славянского происхождения чиновники или олигархи (а также их дети) ведут себя иначе?

Разве не уверены москвичи, петербуржцы и жители других городов, что случись что – и представители «элиты», которой все позволено, и у которой «все есть», обязательно уйдут от ответственности?

Разве не стали притчей во языцех такие случаи, как история с сыном тогдашнего министра обороны, сбившего насмерть старушку с характерной фамилией Беридзе, но так и не признанного виновным?

А история гибели Ольги Александриной и Веры Сидельниковой в столкновении с «Мерседесом» вице-президента «ЛУКОИла» Анатолия Баркова? И ведь как-то не припомнить массовых акций протеста против того, что, в конце концов, погибшие и были объявлены виновными в собственной гибели...

Поставим мысленный эксперимент: Егор Свиридов был убит в драке с сыном крупного столичного чиновника или «топ-менеджера» одной из госкомпаний. А освободить соучастников убийства приехали бы машины не с дагестанскими номерами (как это было в реальности), а с госномерах московской мэрии – после чего их благополучно отпустили бы. Какой величины толпа вышла бы на Манежную площадь после этого? И как «мягко» бы этих протестантов встретила московская милиция, если бы они начали скандировать «антиправительственные» и вдобавок предельно оскорбительные лозунги?

«События на Манежной площади – проявление социального протеста, – повторяют эксперты, политики и журналисты. – Выросло поколение детей тех, кто превращен новой элитой в беззащитно попираемое и бесправное «быдло». Они росли на фоне «реформ», которые разрушили жизнь их родителей, видя Версаль в виде Рублево-Успенского шоссе для одних и жизнь ниже порога бедности для множества других. Они понимают, что у них нет перспектив, и растут с единственным желанием – отомстить!».

Это – правда. Страшная правда. Но не вся. Потому что социальное расслоение – результат политики властей, а социальный протест (основания для которого имеет большинство населения страны, не попавшее в «элиту» или ее обслугу) не «канализируется» ни одной из существующих оппозиционных партий, находя лишь «националистический» выход. Почему? Не потому ли, что этот протест искусно направляется именно и только в это русло?

Не потому ли, что ксенофобия распространяется в обществе практически безнаказанно? Не потому ли, что известно о связи фанатских группировок с прокремлевскими молодежными движениями типа «Наших»? Не потому ли, что власть объявляет «экстремистами» политическую оппозицию и гражданских активистов, но заигрывает с националистами, спуская на тормозах множество случаев их преступлений? Не потому ли, что не припомнить, чтобы представители власти возлагали венки на могилы «иностранцев», погибших от рук отечественных нацистов? Или, хотя бы, приходили на «Марши против ненависти», которые проходят в Петербурге седьмой год подряд в память ученого-антифашиста Николая Гиренко, убитого нацистами?

Что делать – известно: не мы первые сталкиваемся с такими проблемами.

С одной стороны – надо заботиться о снижении уровня социального расслоения. Чтобы заработали «социальные лифты» и стали проходимыми «социальные барьеры». Чтобы социальное происхождение «из низов» не закрывало путь к качественному образованию и получению престижной работы. Чтобы циничная роскошь жизни «элиты» не сочеталась бы с униженной бедностью многих людей. И так далее.

А с другой стороны, надо «каленным железом» выжигать фашизм и национализм, любую пропаганду национального превосходства или национальной ущербности, любые призывы к разжиганию межнациональной вражды и ненависти. Только когда наказание за

это станет неотвратимым – будут вырваны «зубы дракона», из которых всегда вырастают ядовитые всходы.

Между прочим, одним из требований погромщиков на Манежной площади была отмена 282-й статьи УК РФ, карающей за разжигание межнациональной вражды. О чем нелишне знать некоторым либералам, призывающим отменить эту статью, поскольку по ней преследуют оппозицию (как будто ее не могут преследовать и по другим статьям!). И заявляющим, что за фашистские призывы нельзя наказывать, поскольку это, мол, «свобода слова» (а наказывать можно лишь тогда, когда фашисты кого-то уже избили или убили).

К сожалению, за фашистским словом всегда следует дело – это убедительно показано опытом фашизма, который мы когда-то победили.

Неужели мы допустим, чтобы он возродился в нашей стране?

Избыток оскорбленных чувств

Акции в защиту 31-й статьи Конституции могут уйти на второй план. Куда актуальнее сейчас защита совсем другой статьи – 14-й. Где говорится о светском государстве.

Когда все больше и больше людей не понимает, в каком веке они живут? Когда агрессивно-невежественные особи из «народных соборов» и «православных хоругвеносцев» все громче и наглее вмешиваются в светскую жизнь. Когда нарушение решений средневековых церковных соборов объявляется уголовным преступлением. Когда религиозные нормы и обычаи стремительно возводят в ранг светского закона. Когда атеистов называют «больными животными» и «идиотами». Когда религиозные фанатики громят художественные выставки и требуют запретить фильмы и пьесы. Когда требуют тюремного заключения за «кошунство» и «богохульство» и вносят в парламент закон об уголовном преследовании за якобы «оскорбление религиозных чувств и убеждений».

Во-первых, что это вообще такое – оскорбление чувств? Оскорбить можно самого человека – но не его чувства. И уж тем более за такое «оскорбление» нельзя наказывать: мало ли кому что не нравится? Кстати, кто будет определять, оскорблены ли чувства и насколько? Или уже придуман соответствующий измерительный прибор?

Во-вторых, верований в мире – множество. И у приверженцев каждого из них – свои религиозные чувства и свои понятия о том, что «оскорбительно» для этих чувств. Следует ли запретить все, что может «оскорбить»?

А если завтра одни из верующих объявят оскорблением предположение о том, что планета Земля была создана природой, а вовсе не богом, и 5 миллиардов, а не семь с половиной тысяч лет назад? Другие – тот факт, что не все женщины носят хиджабы. Третьи – что окружающие едят свинину. И так далее. А если завтра будет создана религиозная организация, чьим сакральным символом будет объявлено яблоко? И ее представители потребуют запретить продажу яблок в магазинах и строжайше наказывать производителей яблочного сока? Как, кстати, быть с существованием атеистов – не оскорбляет ли оно тонкие и ранимые чувства приверженцев сразу нескольких религий?

В-третьих, почему именно верующие нуждаются в особой защите? Почему именно их чувства или убеждения должны быть защищены более чем чувства других? Например, политические? Легко представим себе группу граждан, объединенных общим обожанием Владимира Путина. И заявляющих, что любой нелицеприятный отзыв о степени полезности для Отечества его рабского труда на галерах «оскорбляет их чувства». Следует ли за это наказывать? То есть, конечно, законы об «оскорблении величества» в разных странах были, но это, как казалось, дела давно минувших дней...

Почему опровергать или высмеивать христианские или мусульманские вероучения нельзя, а либеральные или коммунистические убеждения – можно? Почему карикатура на Христа или Магомета – это «кошунство» и «богохульство», а карикатура на Ленина – нет? Почему нельзя (как предлагают особо ретивые питерские депутаты) проводить публичные акции у церквей – но можно у партийных офисов?

Как быть с чувствами атеистов, которые, может быть, считают для себя оскорбительной любую религиозную пропаганду?

В ней, замечу, недостатка нет – а когда вы в последний раз видели по телевидению атеистическую передачу? Должны ли они быть защищены от вполне реально нарастающего в стране клерикализма и мракобесия?

Нужно ли уважать чужие религиозные чувства? Безусловно. Но ровно в такой же степени, как и любые иные чувства и убеждения. И признать, что никакое «оскорбление чувств» ненаказуемо. Наказуемо другое (и это установлено законом): разжигание религиозной вражды, призывы к насилию, дискриминация по религиозным признакам. А в остальном – полное равенство прав: каждый из верующих (и неверующих) должен знать, что никому не возбраняется обсуждать и критиковать его взгляды и представления. Но и он сам может свободно это делать в отношении остальных.

Кто-то нарисовал карикатуры на вашего пророка? Не смотрите их. Кто-то написал книгу, противоречащую христианским канонам? Не читайте ее. Кто-то выставил картины, пародирующие ваши иконы? Не ходите на эту выставку. А иначе получится, как в старом анекдоте про человека, жалующегося, что ему не дает покоя видная из его окна раздевалка в женской бане. Пришла к нему комиссия проверять. Смотрит в окно – ничего не видно. А жалобщик советует: «А вы на шкаф залезьте»...

Избыток оскорбленных чувств-2

Законопроект о защите чувств верующих противоречит как минимум трем статьям Конституции

В Госдуму внесен проект закона об ответственности за оскорбление чувств верующих. И, видимо, вскоре будет поставлен на голосование (когда именно – пока неизвестно).

Его изучение приводит к однозначному выводу.

Это – закон об отмене сразу трех статей российской Конституции. А именно: 14-й (о светском государстве), 28-й (о свободе совести и свободном выборе и распространении «религиозных и иных» убеждений) и 29-й (о свободе мысли и слова).

Проект внесен представителями всех фракций – даже тех, которые считаются оппозиционными. Что же они предлагают?

Во-первых: ввести в УК РФ новую статью 243.1 «Оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан и/или осквернение объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест, предназначенных для совершения религиозных обрядов и церемоний».

За «публичное оскорбление, унижение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний религиозных объединений, а также оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан» предлагается давать штраф до 300 тысяч рублей, или обязательные работы на срок до 200 часов, или лишение свободы до 3 лет.

А за «осквернение объектов и предметов религиозного почитания, мест, предназначенных для совершения богослужения, других религиозных обрядов и церемоний религиозных объединений, а равно повреждение и/или разрушение таких предметов» – штраф от 100 до 500 тысяч рублей, или обязательные работы на срок до 400 часов, или лишение свободы до 5 лет.

Во-вторых: на два порядка увеличить размер штрафа по существующей статье 5.26 КоАП РФ (о нарушении законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях).

В-третьих: ввести новое административное нарушение: «осквернение религиозной и/или богослужебной литературы, знаков и/или эмблем мировоззренческой символики, а равно их порча». Со штрафом для граждан от 30 до 50 тысяч рублей...

Формально – это закон, но по сути – чушь. И чушь опасная: ведь на ее основании граждан будут реально наказывать.

Начнем с простого. «Оскорбление религиозных убеждений и чувств» – юридическая бессмыслица. Как и «оскорбление» или «унижение» религиозных обрядов и церемоний.

Чувства – это эмоциональные реакции человека на происходящее. Убеждения – это его сознательная позиция. Но объектом оскорбления, которое определяется в статье 5.61 КоАП как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме», может быть только человек. И данная статья уже устанавливает за это наказание. Оскорбить же чувства или убеждения нельзя в принципе, и тем более – за это наказывать. В противном случае особо ретивые верующие разных конфессий

явят «оскорблением своих чувств» всё что угодно. И заявления о том, что мир не был создан за шесть дней, и факт продажи свинины в магазинах, и работу городского транспорта в субботу. Абсурд? Конечно. Но лишь иллюстрирующий абсурдность предложения о наказании за «оскорбление чувств».

Точно так же объектом «оскорбления» или «унижения» не могут быть ни богослужения, ни религиозные обряды: просто потому, что они – предметы неодушевленные. Да и потребовать сатисфакции за «оскорбление» или «унижение» они никак не могут.

Скорее всего, «оскорблением религиозных чувств» будут пытаться назвать критику религии и духовных лиц. Но право гражданина на выражение своего мнения – в том числе относительно чужих убеждений и верований – является неотъемлемым и закреплено не только в 28-й и 29-й статьях Конституции, но и в международных пактах, ратифицированных Россией. То есть имеющих приоритет по отношению к российским законам.

Между прочим, законопроект формально защищает только чувства тех, кто исповедует религии, «составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России». А как быть с теми, что «не составляют»? Чем они хуже?

Далее: почему именно верующие нуждаются в особой защите? Почему в светском государстве их чувства или убеждения должны быть защищены более, чем чувства других? Например, политические? Почему опровергать или высмеивать христианские или мусульманские вероучения нельзя, а либеральные или коммунистические убеждения – можно? Почему карикатура на Иисуса или Магомета – это «кошунство» и «богохульство», карикатура на Ленина – ненаказуемое деяние? И как могут законы светского государства базироваться на реальности богов?

Наконец, как быть с чувствами атеистов – которые могут считать для себя оскорбительной религиозную пропаганду? Должны ли и эти чувства быть защищены от мракобесия? Притом что, с точки зрения атеиста, никаких богов в природе не существует, а все священные для верующих книги – не более чем сборники сказок?

Теперь – об осквернении объектов и предметов религиозного почитания, мест, предназначенных для совершения богослужения, и так далее.

Спору нет: эти действия должны быть наказуемы – в порядке защиты конституционного права беспрепятственно исповедовать любую религию и совершать соответствующие обряды. Но 214-й статьей УК РФ «Вандализм» уже предусмотрено наказание за «осквернение», в том числе – по мотивам религиозной ненависти. Зачем вводить новую статью, к тому же – с усиленным наказанием (максимум по 214-й – 3 года лишения свободы)?

И последнее: что это за состав административного правонарушения «осквернение религиозной или богослужебной литературы, знаков или эмблем мировоззренческой символики, а равно их порча»? Купить обычную книгу и разрисовать ее картинками можно, а религиозную – нельзя? А почему, собственно, если речь идет о личном имуществе? Да, нельзя ворваться в храм и испортить чужое имущество – религиозные книги или иконы. Но за это уже есть наказание (при этом закон не делает и не должен делать разницы между имуществом религиозных организаций и любых других).

Ну а про «знаки и эмблемы» – вообще чепуха: надо ли так понимать авторов закона, что наказанию подлежит «порча» всего, что может быть отнесено к «мировоззренческой символике»? Если на торте, купленном в магазине, выложен шоколадный крест – значит ли это, что его нельзя съесть, не рискуя быть подвергнутым административному наказанию? Опять же, почему защите подлежит только религиозная символика – а любая другая? Кстати, для современных нацистов свастика – безусловно, «эмблема мировоззренческой символики». Значит ли это, что с вступлением закона в силу нельзя будет замазать краской нарисованную на улице свастику?

Нужно ли уважать чужие религиозные чувства? Безусловно. Но ровно в такой же степени, как и любые иные чувства и убеждения. Не меньше, но и не больше. И признать, что никакое «оскорбление чувств» или убеждений ненаказуемо. Наказуемо другое (и это уже давно установлено законом): разжигание религиозной вражды, призывы к насилию, дискриминация по религиозным признакам.

У каждого века – свое средневековье

Президент России, встречаясь с руководством РПЦ, сделал два примечательных заявления. Он потребовал уйти от «вульгарного и примитивного понимания» светскости государства, и защитить силой закона «традиционные ценности и религиозные чувства верующих».

И то, и другое – наглядная демонстрация того факта, что новое российское самодержавие, как и старое, видит в церкви одну из главных своих опор. И уверенно идет по пути клерикализации государства, не обращая внимания на такую «мелочь», как собственная Конституция. Где в 14-й статье записано то, что уже давно выглядит насмешкой: что Российская Федерация – светское государство, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, и что религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Хотя и не большей насмешкой, чем другие статьи – о народе, как источнике власти, о бесплатном образовании и здравоохранении, о свободе собраний, о социальном государстве...

Очень характерно (это мало кто заметил), что на «неправильное понимание» светскости государства президент начал сетовать сразу после того, как на это посетовал патриарх: 24 января Кирилл выразил недовольство тем, что в Москве менее 25% родителей выбрали для детей модуль «основы православной культуры». И объяснил это «давлением на родителей» и «неверной трактовкой руководителями образовательных учреждений и органов управления образованием понятия светскости государства».

Первое – что называется, и смех, и грех: когда Кремль и руководство РПЦ практически слились в «симфонию», если на родителей и оказывали бы «давление», то с тем, чтобы они выбрали именно ОПК, а не наоборот.

Что до второго, то любые разговоры о «неверных трактовках» или «вульгарном понимании» светского государства – откровенная демагогия: государство или светское, или нет. Нельзя

немножко светским государством – как нельзя быть немножко беременной. А призывать изменить «трактовки» начинают тогда, когда просто-напросто не желают признавать принципы светского государства. К которым относится не только отсутствие государственной религии, отделенность религиозных объединений от государства и равенство их перед законом (кстати, кто верит, что все это написано об РПЦ – поднимите руки!).

Светское государство – это государство, где решения власти не имеют религиозного обоснования, а религиозные догматы не могут воплощаться в обязательный для всех светский закон.

В светском государстве законы не могут содержать такие понятия, как «богохульство», «кошунство» или «содомия». В нем не могут приниматься безумные законы о наказании за «пропаганду гомосексуализма», обосновываемые цитатами из Ветхого Завета. При этом к другим библейским канонам – например, «не сотвори себе кумира», – наши «защитники традиционных ценностей», почти поголовно обожающие президента Путина, относятся не в пример терпимее. И вообще, кто это определил, какие ценности у нас «традиционные», а какие – нет?

Светское государство – это государство, где нарушение религиозных догматов не может повлечь за собой наказание (если только оно одновременно не подпадает и под запрет, установленный светским законом). И несоблюдение правил, установленных средневековыми церковными соборами не может быть объявлено не то, что уголовным преступлением – даже нарушением общественного порядка.

В светском государстве невозможны призывы запретить выставки или спектакли, не нравящиеся религиозным фанатикам. Как невозможно выступление главы государства на Архиерейском соборе, освящение водопроводной воды, требования преподавать в школах креационизм наравне с эволюционной теорией и включить богословие в перечень научных дисциплин, или создание факультета православной культуры в Академии ракетных войск стратегического назначения...

Наконец, в светском государстве невозможны законы о наказании за якобы «оскорбление чувств верующих» – что активно обсуждается в течение последнего года (после небезызвестного «процесса Пусси Райот»), и к чему только что призвал российский президент. И не только потому, что в международных пактах (имеющих приоритет перед национальным законодательством) прямо сказано, что «свобода выражения мнений не может быть ограничена в силу уважительного отношения к определенным догматам или верованиям той или иной религиозной общины». Но и потому, что «оскорбить чувства» невозможно – оскорбить можно только человека.

Что же касается чувств, то, во-первых, их якобы «оскорбление» не поддается объективной оценке (а значит, не подлежит запрету и наказанию за его нарушение).

А во-вторых – чувства верующих (безусловно, подлежащие уважению) в светском государстве абсолютно «равноправны» с чувствами или убеждениями всех прочих граждан, и не могут подлежать особой защите.

Точно так же не могут (хотя это усиленно «продвигается», в том числе в Петербурге) ставиться в привилегированное положение по сравнению с другими всевозможные религиозные акции – независимо от конфессии. Попросту говоря, при проведении крестного хода вне церковной ограды, политической демонстрации, гей-парада или уличного празднования курбан-байрама должны применяться одни и те же правила. Как бы это не раздражало «православных хоругвеносцев», активистов «народных соборов» и депутатов-антигеев...

Увы, пока что мы уверенно движемся в противоположную сторону – к фундаментализму, выдаваемому фанатиками за христианство: религию, в основе которой лежат прощение и милосердие, а не кровожадность и месть. Ведь уже сегодня немногие смеют сомневаться в привилегированном статусе де-факто государственной религии, или называть себя атеистами (замечу, что религиозные фанатики, не стесняясь, называют их «неполноцен-

ными», а то и «больными животными» – причем, безнаказанно: разжигание вражды к атеистам у нас преступлением не считается).

Все это, впрочем, уже было. И государственная религия, и торжественное стояние «первых лиц» в храмах, и обязательное преподавание «закона божьего», и наказание за «богохульство», и дискриминация «иноверцев», и разговоры о «народе-богоносце», и «симфония» церкви и государства...

Чем это закончилось для партнеров по «симфонии» – хорошо известно.

Что же, как говорил Станислав Ежи Лец, у каждого века есть свое средневековье.

Светское государство отменяется

Госдума приняла в первом чтении законопроект, вводящий уголовную ответственность за «оскорбление религиозных чувств и убеждений»

Госдума приняла в первом чтении законопроект, вводящий уголовную ответственность за «оскорбление религиозных чувств и убеждений».

Приняла, несмотря на разгромную критику, которой подвергли внесенный полгода назад проект и эксперты, и юристы, и правозащитники. Несмотря на президентское поручение по итогам расширенного заседания Совета по правам человека – доработать проект. И несмотря на альтернативный проект, разработанный юристами Совета.

На голосование в Думе был поставлен ровно тот же вариант, который анализировался в «Новой газете» от 6 ноября. Его можно с полным правом расценивать, как противоречащий четырем статьям Конституции РФ. А именно – статьи 14 (о светском государстве), статьи 19 (о равенстве прав независимо от убеждений в отношении к религии), статьи 28 (о свободе совести и свободном выборе и распространении религиозных и иных убеждений) и статьи 29 (о свободе мысли и слова).

Нет сомнений: даже если этот закон устоит в Конституционном суде, Европейский суд по правам человека не оставит от него камня на камне, потому что в резолюциях ПАСЕ четко и ясно сказано: свобода выражения мнений не может и не должна ограничиваться «для удовлетворения растущих обид некоторых религиозных групп» или «в силу уважительного отношения к определенным догматам или верованиям той или иной религиозной общины».

Между тем, именно ограничение этой свободы – главная цель законопроекта. Один из его авторов, единоросс Александр Ремезков так и заявил в Думе: мол, «нужны действенные законодательные инструменты против богохульников, кощунников и святотатцев». Какое после таких законов может быть «светское государство»?

В светском государстве законы не могут содержать такие понятия, как «богохульство», «кощунство» или «святотатство». Богохульство, если точно расшифровывать термин, есть

оскорбление бога. Господа законодатели, вы признаете богов реально существующими персонами? А церковников – их законными представителями, уполномоченными решать, что именно и в какой степени оскорбляет их доверителей? В каком веке мы живем?

По принятому законопроекту, за «публичное оскорбление религиозных чувств и убеждений граждан, унижение богослужений и других религиозных обрядов» можно лишиться свободы на срок до трех лет. Уж сколько раз твердили миру: невозможно «оскорбить чувства или убеждения» человека! Чувства – это эмоциональная реакция на происходящее вокруг, убеждения – сознательная позиция. Их нельзя «оскорбить», это «оскорбление» не поддается объективной оценке, а, следовательно, его нельзя запретить, и нельзя наказывать за нарушение запрета.

Кто и как будет в суде устанавливать факт «оскорбления чувств»? Невозможно основываться при этом исключительно на мнении самого «оскорбленного» – которому ничто не помешает «оскорбиться» чем угодно. Вплоть до факта существования в мире других религий, нежели та, что он исповедует. Наконец, уж никак нельзя «оскорбить» или «унизить» богослужения или религиозные обряды – как предметы и вовсе неодушевленные...

Чем принятый законопроект обернется на практике – понятно: дозволенным преследованием за любую критику любой религии и соответствующего начальства – обожающего учить других «духовности» и «нравственности». Интересно, будут ли наказывать за чтение русских сказок, где встречаются жадные попы и глупые дьячки? Или за поговорки «каков поп, таков и приход», «заставь дурака богу молиться...»?

Это, конечно, может показаться смешным, но вскоре станет не до смеха: по сути, вводится запрет на распространение атеистических взглядов и выражение соответствующих мнений – как не угодных очередной группе перманентно «оскорбленных верующих». Им, между прочим, за сжигание на костре нелюбимых ими книг, что устроила месяц назад группа православных фанатиков у офиса «Яблока», по этому закону ничего не грозит. Как не грозит и негодяю в профессорском звании, публично назвавшему атеистов «больными животными, которых надо лечить» – чувства неверующих защите не подлежат. Ведь, невзирая на то, что Конституция в статье 19 вводит равенство прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от убеждений и отношения к религии, законопроект ставит верующих в привилегированное положение перед неверующими, вводя особую защиту для их чувств и убеждений.

Всего этого принципиально не может быть в светском государстве – и позорный закон, принятый Госдумой, надлежит понимать именно как отменяющий этот конституционный принцип.

Впрочем, по этому «большому пути» мы движемся этап за этапом. На нем – и призывы запретить выставки или спектакли, не понравившиеся религиозным фанатикам. И торжественное освящение водопроводной воды. И требования преподавать в школах креационизм наравне с эволюционной теорией. И создание факультета православной культуры в Академии ракетных войск стратегического назначения. И принятие законов о наказании за «пропаганду гомосексуализма», обосновываемых цитатами из Ветхого Завета и проклятиями в адрес «содомитов» и «извращенцев». И безальтернативное, вопреки закону, внедрение

В школах «основ православной культуры» (как заявили в школе у моего младшего сына, «так рекомендовано патриархом»). И «православные хоругвеносцы», «народные соборы», «ряженные казаки» и прочие персонажи, все больше напоминающие серых штурмовиков из «Трудно быть богом»...

Помните, чем заканчивается книга? «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные».

Соломинка в чужом глазу

В «рождественском» телеинтервью Дмитрию Киселеву (выбор собеседника – одного из самых одиозных путинских пропагандистов, – сам по себе примечателен) патриарх Кирилл назвал развитие социальных сетей «признаком духовного кризиса людей», посетовал на революционную ситуацию на Украине, и огорчился тем, что в Европе «о любых правах и свободах проявляется забота, кроме одних прав и одной свободы – свобода открыто исповедовать христианскую веру».

Доказательством того, что это «целенаправленная политика», и что на Западе «общеполитическая тенденция, общее направление действия элит, несомненно, носит антихристианский, антирелигиозный характер» были названы два случая, когда в Норвегии телеведущей, а в Великобритании – медсестре не разрешили на службе носить крестики. Происходящее Кириллом «очень тяжело переживается, потому что мы прошли через эпоху атеизма, и знаем, к каким страшным последствиям это привело, и хочется кричать на весь мир: «Люди, остановитесь!»...

Сказанное не требовалось бы тщательно обсуждать, если бы оно не демонстрировалось по общенациональному телеканалу (может быть, в нашей многонациональной стране и в светском государстве кто-то помнит такие же интервью с главами других конфессий, не говоря о представителях атеистических обществ?).

Социальные сети в современном мире – способ объединения людей, мощнейший механизм коммуникации. Именно через социальные сети (и через действующие с их помощью благотворительные фонды) все чаще и чаще оперативно организуется помощь тем, кто в ней нуждается – в том числе, на лечение дорогостоящих заболеваний детей, которое якобы «не может» оплачивать государство. Правда, оно может оплачивать проведение зимней Олимпиады в субтропиках и переезд высших судов

Петербург, прощать многомиллиардные долги Кубе, Ираку и Афганистану, и выделять миллиарды на поддержание действующего политического режима на Украине. Не здесь ли следовало бы поискать признаки «духовного кризиса»? Впрочем, может быть, отповедь в адрес пользователей соцсетей вызвана тем, что там активно обсуждаются заявления Андрея Кураева о скандалах, связанных с не вполне христианским поведением ряда высокопоставленных священнослужителей?

Недовольство украинской ситуацией со стороны патриарха (чья полная лояльность властям вряд ли у кого-то вызывает сомнения) глубоко понятно. Ведь он особо обеспокоен тем, что «главной задачей революции является смена элит». Вот чего, по всей видимости, РПЦ, интегрируясь в состав правящей олигархии, страшно боится и категорически не желает: все должно оставаться как есть, и путинские «элиты» должны и дальше распоряжаться в стране, как в дарованной вотчине. Тогда и они, в свою очередь, будут поддержи-

вать церковь – даруя ей все новые и новые блага и привилегии, земельные участки и налоговые льготы, передавая ей храмы и другие сооружения, включая те, которые никогда ей не принадлежали. Недаром отношения РПЦ с властями в «путинские» годы Кирилл называл «чудом». Конечно же, ему не хочется, чтобы это «чудо» заканчивалось.

«Страшные последствия атеизма» в нашей стране, – о которых патриарх заботливо предупреждает европейцев, призывая «остановиться», – мягко говоря, преувеличение. Страшны последствия правления тоталитарного коммунистического режима – но в очень малой степени связаны с его атеистической составляющей. Доказать это очень просто: никаким известным в истории преступникам против человечности их религиозные убеждения (в том числе, христианские) совершенно не препятствовали в их людоедской деятельности. Гитлер был христианином – заявлявшим «мы начали борьбу против атеистического движения, и она не ограничилась несколькими теоретическими декларациями: мы его искоренили», и нередко «обосновывал» свои действия, в том числе уничтожение евреев, ссылками на то, что таким образом «борется за Дело Божье».

Что же касается традиционных «антизападных» эскапад главы РПЦ (удивительно точно укладывающихся в политическую линию путинского режима), то они просто лукавы.

Упомянутые им ситуации и вправду имели место. Вот только Кирилл «забыл» упомянуть, что в Норвегии запрет на появление в эфире (а не в другое время) с любыми (не только с крестиками!) религиозными или политическими символами содержался в правилах работы частной телекомпании NRK. А в Великобритании администрация больницы потребовала от медсестры Ширли Чаплин снять нательный крестик во время работы из соображений безопасности и гигиены. И правоту работодателей подтвердил Европейский суд по правам человека.

В правомерности решения ЕСПЧ можно сомневаться – но уж точно, оно не является «общим направлением действия элит». Поскольку в другом случае – с бывшей сотрудницей авиакомпании British Airways Надией Эвейда, – уволенной за ношение нательного крестика, ЕСПЧ занял ее сторону, признав нарушение Европейской конвенции по правам человека (права на свободу вероисповедания)...

А вообще, забота патриарха о правах и свободах выглядела бы куда более убедительной, если он беспокоился не столько о праве норвежской телеведущей появляться в эфире с крестиком, сколько о массово нарушаемых правах граждан собственной страны.

О том, что они не могут получить эффективное лечение и качественное образование, если не имеют на это денег. О том, что новая пенсионная реформа грозит снижением пенсий для десятков миллионов граждан. О том, что граждане будут вынуждены оплачивать капремонт домов, которые не успело отремонтировать государство (хотя было обязано это сделать). О пытках и избиениях в полиции. О запретах протестных митингов и задержаниях их участников. О похищениях людей на Северном Кавказе. И о многом другом, о чем РПЦ традиционно молчит, предпочитая видеть соломинку в европейском глазу, а не бревно в российском.

Конечно, бороться за права норвежцев или англичан куда удобнее, чем за права своих сограждан. Ведь от властей Норвегии или Великобритании руководство РПЦ никак не зависит, и на их воздаяние не рассчитывает.

Чего не скажешь о властях отечественных, с которыми РПЦ существует в полной «симфонии». То есть, в созвучии.

В переводе на русский язык – дудят в одну дуду.

Антифашизм на экспорт

На конференции по борьбе с неонафашизмом среди иностранных докладчиков был заявлен антисемит, коллега бывшего редактора газеты «Русский порядок»

«Неофашизм в Европе: 70 лет спустя» – международную конференцию под таким названием провели в минувшее воскресенье в Санкт-Петербурге. В качестве главных организаторов были заявлены «Фонд Андрея Первозванного» и «Центр национальной славы» (оба под началом главы ОАО «РЖД» Владимира Якунина), а также Европейский еврейский конгресс.

То, что неофашизм через 70 лет после победы над германским фашизмом существует в Европе, – факт. Но только один из выступавших на помпезном мероприятии вспомнил, что он существует в России. Остальные предпочли «бороться с фашизмом» где угодно, но только не в стране, проводившей конференцию.

«Сегодня мы видим, что клетка, в которую фашизм был заключен по окончании Второй мировой войны, оказалась открыта и фашизм все больше проявляет себя в Европе», – заявил Владимир Якунин.

Затем был совершен переход к главному, ради чего все и затевалось, – к опасности «украинского фашизма». «На западе Украины неонафашистские взгляды становятся все популярнее», «в Киеве под знаменами Бандеры проходят шествия», «в Ровно установлен памятник Петлюре», – не жалел фактов Владимир Иванович. К слову, Петлюра был убит в 1926 году и никакого отношения к фашизму не имел. Впрочем, прозвучали в речи главы РЖД и новые нотки: «На Майдане, по сути дела, достаточно демократично и либерально настроенная общественность выступила против коррупции, против тех властей, которые ее не устраивают, но это движение было, по сути дела, похищено крайними националистами и фашистами». Концепция изменилась: раньше было принято считать, что в Украине произошел «неонацистский путч». Теперь оказывается, что сперва на Майдан все-таки вышла «либерально настроенная» общественность, а «фашисты» появились уже потом и попросту украли победу.

Директор Института всеобщей истории РАН Александр Чубарьян напирал на то, что Степан Бандера персонально упомянут в приговоре Нюрнбергского трибунала, а в Европе ничему не учатся, и что в европейских учебниках двумя строчками говорится о Нюрнбергском процессе и Холокосте. Хотя перед ним выступал председатель объединения «Россия—Германия—Новое поколение» Кристоф фон Ольденбург, рассказывавший, что немцы получили «прививку» от нацизма, что все они в школах изучали ужасы, которые нацизм принес в Европу, и что его поколение на этом воспитано. Но, наверное, уважаемый академик не очень внимательно его слушал.

России и проблемах с радикальным национализмом и неонацизмом в нашей стране иностранные участники деликатно не упоминали – видимо, чтобы не огорчать хозяев. Единственным, кто сказал о том, что и для России эти проблемы актуальны, оказался губернатор Петербурга Георгий Полтавченко – по его словам, наш город всегда был многонациональным, но это не значит, что у нас нет экстремизма. А потому профилактика экстремизма и ксенофобии – один из главных приоритетов для городского правительства.

Самым интересным из заявленных участников конференции оказался «директор Европейского центра геополитического анализа» Матеуш Пискорский из Польши. В российских государственных СМИ его не раз представляли как «главу миссии международных наблюдателей на референдуме в Крыму». Действительно, уже много лет господин Пискорский является представителем «Международной организации по наблюдению за выборами CISEMO» на территории СНГ. Организация была создана в 2003 году Алексеем Кочетковым, который возглавлял ее вплоть до 2013 года. Широкой общественности Алексей Кочетков известен как член Центрального совета Русского национального единства (РНЕ), которым руководил Александр Баркашов, и редактор газеты РНЕ «Русский порядок».

Неудивительно, что именно Пискорского Кочетков пригласил в наблюдатели. Как сообщает историк и публицист Владимир Кара-Мурза, Пискорский – «известный польский фашист и антисемит, открытый поклонник национал-социализма, отрицатель Холокоста, автор статей на портале «Белый мир» и в газете «Я – русский», бывший главный редактор журнала польских скинхедов *Odala*, в котором превозносились «арийская раса» и Адольф Гитлер...»

Согласитесь, самое то для участника «антифашистской конференции».

Устав чужого монастыря

Пожалуйста, не ссылайтесь на Вольтера.

И потому, что о готовности отдать жизнь за то, чтобы... (далее по тексту) он, скорее всего, не говорил: это миф.

И потому, что отдать жизнь за то, чтобы свободно высказывались некоторые мнения я лично не готов (как, думаю, и подавляющее большинство тех, кто любит козырять якобы вольтеровской цитатой). Ибо свобода слова имеет границы.

Вопрос, – еще раз, и трагически поставленный в Париже (Имеется в виду убийство карикатуристов из редакции журнала «Шарли Эбдо». – Б. В.), – звучит так: где эти границы проходят?

Мой ответ прост: там, где начинаются гарантированные законом права и свободы других людей.

Там, где слово используется для оскорбления личности другого человека – унижая его честь, достоинство или репутацию.

Там, где слово используется для разжигания вражды и ненависти – по признаку национальности или расы, религии или пола.

Там, где слово утверждает, что главный враг – инородцы или иноверцы, и где им приписываются вымышленные преступления.

Там, где слово призывает к насилию и дискриминации.

При переходе этих границ слово должно быть наказуемо по закону – и во многих странах мира такие запреты установлены.

Поэтому оскорбленный может защитить свою честь и достоинство в суде – и добиться наказания оскорбителя.

Поэтому могут – и должны быть запрещены (но лишь решением суда) фашистские, антисемитские, расистские издания, могут и должны быть наказуемы соответствующие выступления.

И это не ограничение свободы слова, а необходимая мера для защиты прав других граждан. Тем более необходимая, что фашистское слово имеет обыкновение всегда переходить в дело – в чем человечество многократно убеждалось...

А вот до указанной границы слово абсолютно свободно. Потому что закон не может, – и не должен, – гарантировать право человека на то, что окружающие обязаны жить по уставу его монастыря, опираясь на те же самые ценности и в соответствии с теми же традициями.

Обязаны уважать не только его безусловное право иметь и свободно высказывать эти взгляды, но и сами эти взгляды.

Обязаны не критиковать и не высмеивать эти взгляды и сакральные для него понятия – то есть, считать их столь же сакральными и не «оскорблять его чувства».

Это – абсурд. Такой же, как и сам термин (о чем мне приходилось писать на страницах «Новой газеты») «оскорбление чувств».

Потому что в мире еще не придуман прибор, определяющий, действительно ли «оскорблены чувства» и в какой степени.

На чем основываться суду, вынося решение о наказании за «оскорбление чувств»? Только на мнении самого «оскорбленного»?

Но ему, как показывает практика (в том числе, российская) ничто не мешает «оскорбиться» чем угодно.

Если речь идет о религиозных чувствах – начиная с карикатур на пророка и хождением женщин без чадры, и заканчивая работой городского транспорта в субботу и продажей свинины в магазинах.

Если речь идет об иных чувствах (почему же только чувства верующих должны быть защищены?) – то либералы могут заявить об «оскорблении их чувств» самим фактом суще-

ствования коммунистов, поклонники «Зенита» – призывами болеть за «Спартак», атеисты – проведением крестного хода по улице...

Поэтому представляется очевидным, что никакое «оскорбление чувств» не может быть запрещено законом – нет и не может быть (используя правовые термины) объективной стороны преступления. А значит, не может быть и наказания. В том числе, за карикатуры – что на пророка Мухаммеда, что на Иисуса Христа, что на Моисея.

Карикатуры на Владимира Путина стоят особняком: теоретически, Владимир Владимирович может оскорбиться своим изображением и пойти в суд (при этом он должен будет доказать наличие морального ущерба, невыносимых страданий, ухудшения здоровья после просмотра карикатуры и так далее). Но ник-то из его сторонников не может подать в суд, «оскорбившись» вместо Путина. Что касается Иисуса или Мухаммеда, то они, кажется, законных представителей, уполномоченных защищать их в судах от «оскорблений», не оставили...

Это – о юридической стороне вопроса о границах свободы слова и «оскорбленных чувствах».

При этом нельзя не заметить, что кроме юридического аспекта, есть еще и этический. Установленный не законом, а общественной моралью. Принятыми в обществе представлениями о том, что можно – а что нельзя. И здесь у свободы слова тоже существуют границы – хотя и ненаказуемые при переходе. Они определяют то, что не запрещено – но считается неприличным.

Да, для каждого общества эти границы – свои. Но, большей частью, не принято смеяться над слабыми. Над больными и инвалидами. Над жертвами преступлений.

Последнее – к любимому возражению сторонников защиты «оскорбленных чувств»: а как бы вы, мол, отреагировали на карикатуры на тему Холокоста? Ответ прост: перестал бы, – как, наверное, многие другие, – читать соответствующее издание и здороваться с автором карикатуры. Но и только. И уж точно не пошел бы в суд.

Не говоря уже о попытке погрома – что Дмитрий Быков на страницах «Новой» почему-то считает «правом православных» применительно к выставке «Осторожно, религия!». Потому что объектом погрома стали лишь «неодушевленные предметы». Правда, организаторы выставки – а вовсе не погромщики, – потом оказались наказанными. И погромщики убедились, что насилие – которое, по сути, оправдано приведенной Быковым пословицей «Не буди лихо», – очень даже эффективный способ борьбы с неприятным и непонятным.

Да, можно «не будить лихо». Но тогда те, кто организовал теракт в Париже, – как и те, кто ему радуется (таких, увы, немало), – будут считать, что достигли своей цели. И не стоит думать, что отказ от высмеивания религиозных лидеров или от насмешек над религиозными ценностями заставит фанатиков успокоиться.

Как не стоит думать, что отечественные неонацисты, убивающие «инородцев», зигующие на площадях и проводящие «русские марши» (к которым с терпимостью и сочувствием относятся некоторые оппозиционные лидеры) появились лишь из-за публикации карикатур на Христа или князя Владимира Красно Солнышко...

Последнее, не раз приходившее в голову после теракта в Париже: а если бы нечто подобное устроили в России религиозные фанатики, «оскорбленные» карикатурами на церковь и ее иерархов?

Какой была бы общественная реакция – и реакция властей?

А сколько людей вышло бы на площадь на «марш единства»?

Серые зазывают коричневых

В преддверии юбилея Победы в Питере пройдет слет националистов и неонацистов со всей Европы

В воскресенье, 22 марта, в Петербурге в отеле «Холидей Инн» (получившем известность после того, как в декабре его объявили якобы «заминированным», чтобы сорвать телемост с Михаилом Ходорковским) пройдет «Международный русский консервативный форум».

Де-факто форум организует питерское отделение партии «Родина», но юридическим организатором является «Русский национальный культурный центр – Народный дом», называющий это мероприятие «первым в мировой истории Форумом национально-ориентированных политических сил Европы и России».

На своей странице в интернете организаторы цитируют выступление Владимира Путина на заседании «Валдайского клуба»: «Наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции». И призывают всех «объединиться ради продолжения жизни на Земле, ради добросовестного и добрососедского партнерства между нациями Европы в борьбе за сохранение традиционных ценностей современного общества: семьи, духовности и нравственности».

Вот только состав участников не оставляет сомнений в том, что их мероприятию, оргкомитет которого возглавляет бывший замначальника предвыборного штаба партии «Родина» в Петербурге, бывший член КПРФ и бывший сопредседатель Санкт-Петербургского отделения общественной организации «Право на оружие» Юрий Любомирский, куда больше подошло бы название «форум неонацистов».

Судя по предполагаемому списку выступающих, принять участие в форуме собираются представители одиннадцати европейских партий – большая часть из них имеет репутацию ультраправых, а то и неонацистских. В то же время они отличаются уверенной поддержкой действий Владимира Путина на международной арене.

Кого же мы увидим в Петербурге?

Роберто Фиоре (Италия) – основатель и лидер партии «Форца Нуова» («Новая сила»). Крайне правый политик, националист и католический традиционалист, представитель консервативного направления в неофашизме (хотя сам себя прямо позиционирует как фашиста). В свое время обвинялся в причастности к террористической деятельности.

Его партия решительно поддержала захват Крыма и одобрила политический курс Москвы в «украинском вопросе».

В августе 2014 года «Новая сила» вместе с такими националистическими и антисemitскими партиями, как французский «Национальный фронт» (на питерский форум, впрочем, его представители не приедут), венгерский «Йоббик», бельгийский «Фламандский интерес», польская «Фаланга» и Британская национальная партия, участвовала в Ялте в конференции «Россия, Новороссия, Украина: глобальные трудности и вызовы», где прославлялись боевики «Новороссии» и категорически отрицалось наличие российских военных на Украине.

Удо Фойгт (Германия) – ультраправый политик, бывший председатель правоэкстремистской Национал-демократической партии Германии, а ныне – депутат Европарламента. Не скрывает своих антисemitских и ксенофобских взглядов. Неоднократно подвергался административной и уголовной ответственности за подстрекательства к мятежу и другие нарушения закона. Известен утверждениями о «завышенности» числа жертв Холокоста (которых, по его мнению, не 6 миллионов, а 340 тысяч человек) и заявлениями о том, что его партия «преклоняется перед мужественными солдатами вермахта: сухопутных сил, люфтваффе и военно-морского флота и ваффен-СС, которые до последнего дня исполняли свой долг» (за последнее получил десять месяцев тюремного заключения, но условно).

Депутаты Европарламента и отставные греческие военнослужащие – генерал-лейтенант Элефтериос Синадинос, который ранее командовал армейскими подразделениями специального назначения, и бывший директор Военного штаба Европейского союза Георгиос Эпитидиос – представляют на форуме ультраправую партию «Хриси Авги» («Золотая Заря»). Партия определяется прессой как неofaшистская и неонацистская, и не зря: по ее уставу, «только арийцы по крови и греки по происхождению могут претендовать на членство в партии». Эмблема партии – слегка стилизованная свастика, а ее члены открыто восхищаются Гитлером и употребляют для приветствия нацистский салют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.